

Дархан Исатаев

СКВОЗЬ НАШИ ЖИЗНИ

История любви или
ИСПЫТАНИЙ

16+

Дархан Исатаев

Сквозь наши жизни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65450622

SelfPub; 2021

Аннотация

Романтическая трагедия, повествующая о силе любви и соблазнах, которые окружают и искушают влюбленных. История является вымышленной и не имеет под собой реальной основы. Пусть рассказанная в книге история пробудит в читателе чувство важности искренних чувств.

Дархан Исатаев

СКВОЗЬ НАШИ ЖИЗНИ

*Светлой памяти любимого брата.
Надеюсь, миры, в которых находишься ты,
встретили тебя с той добротой,
которая была в твоём сердце, Абай.*

*Зову тебя я бесконечностью своей,
Ты мой покой, моя судьба.
Я пленник угасающих дней,
Ты бесконечность, но только не моя.*

Пингвины не летают

Наша жизнь подобна горящей спичке, освящающая темную бездну, которой не видно ни конца, ни края. Кто-то горит весь свой полет в беспросветную пустоту и наполняет ее своим всепоглощающим светом и их полет становится прекрасным танцем жизни и смерти. Кто-то гаснет очень рано. От резкого порыва ветра, не успев пролететь и пары сантиметров, огонь поглощается холодным ветром и спичка, тлеющая сверху, но совершенно нетронутая снизу, пускается в этот ужасный и мучительный полет. Ей предстоит лететь все

это расстояние, не видя ни себя, ни света и кажется, что лететь так целую бесконечность. Пролетая эти темные пустоты, она не только не заполняет их собой, но и сама становится пустотой. Нутро ее пропитано этой бездной и только смертельный удар об холодные камни на дне бездны приносит спасительный покой. И спички эти вовсе не спички. Так пролетают наши души по, казалось бы, бесконечной, но такой короткой бездне.

Моя душа потухла давно. Она стала темной ночью, одной из тех, в которую исчезает луна и темнота окутывает мир. Но сегодня прекрасная ночь. Алиса, эта ночь прекрасна, как твои бездонные глаза с чарующим блеском, как твои шелковые волосы, как те пятьсот семь ночей, что мы провели вместе. Их было ровно пятьсот семь, и каждую из них я запомнил, и каждая из них была особенной. Знаешь, оказалось мир не такой светлый, как ты говорила. А мечты имеют привычку предательски не сбываться. Ты так верила в светлую часть, так старалась не замечать тени желчи и зла и бесконечно, по-детски наивно верила, что пингвины научатся летать. Пока билось твое сердце, я не сомневался в этом ни на секунду и верил, что эти неповоротливые создания раскроют свои крылья и отправятся в полет свободы. Верил каждую минуту с тобой и еще столько же без тебя. Как бы быстро я не бежал, как бы сильно не закрывал глаза, пропуская целые главы своей жизни, я не смог убежать от своей пустоты. Осознание того, что тебя больше нет, настигло меня при

моем, не успевшем начаться, полете. В пропитанной табачным дымом комнате, тишина смеялась надо мной и по всей заброшенной жизнью квартире, эхом раздавалось «ты больше не услышишь ее смеха». Так кричит судьба, когда ей кажется, что игра еще продолжается. Я не сдавался и кричал ей в ответ. Кричал что есть мочи, что ты любишь меня, что алые, цвета голландской розы, сорванной на рассвете, губы греют меня, что ты веришь в меня. Пустота смеялась в ответ и эхом исправляла меня: «Не веришь, а верила». Это окончание перевернуло всю мою жизнь. Оставленное в прошлом не вернуть и именно осознание этого обжигает сильнее всего. Ты верИЛА, нынче я не верю и сам. После всего пережитого, храня надежду столь долгое время и оберегая ее от ветров сомнений, мне больно признавать, но пингвины не летают! Прости, Алиса, но мы преданы, и нам не увидеть полет этих птиц. Не в этом мире. Он такой холодный без тебя и моя просьба может показаться нытьем жалкого, раздавленного жизнью пропойцы и возможно душа моя такой и стала, а потому я прошу тебя, Алиса, спаси меня.

*Дневник
Алисы*

Прячась от настигающей меня пустоты, я погрузился в твои вещи, фотографии и самое главное – в твои мысли. Я нашел этот красный дневник, твои воспоминания и моя доза

жизни. Я вчитывался в каждое слово, и каждое слово в моей голове звучало твоим очень высоким и звонким, как чирикание воробья, радующегося весне, голосом. Этот голос, он даже в самый суровый мороз возвращал в мою душу весну. Лишь единицы, рожденные с божественным даром вселять в людей надежду и жизнь, рождаются с таким голосом. Я открыл дневник и попал на середину твоего прекрасного, бурлящего жизнью, мира. Я начал медленно, боясь, что они могут закончиться, читать и погружаться в нашу с тобой весну.

«Он не был моим первым. Когда мы с N встретились, я была подобна спичке, сгоревшей дотла. И казалось, что меня больше невозможно зажечь, но в нем было столько тепла, что казалось это я сама горю и дарю это тепло. Но бывали и дни, когда в памяти моей просыпались воспоминания о страсти первой любви и в этот момент от понимания, необратимости и невозвратимости всего этого, я становилась как куст терновника и цепляла шипами все то, что окружало меня. Это надоедливое солнце вылезло так рано и заставило погрузиться в пучину быта, и стул стоял не так, казалось, его место было на потолке, и коммунальщики отключили горячую воду. Мне нужно было бежать по делам и потому воду, чтобы помыть голову, я поставила в чайнике, на газ. Электрический чайник вскипел быстро и N уже попивал свой черный чай с бергамотом, пока я ждала закипания моего чайника(Я помню этот момент, дорогая. Ты была такой красивой. Твои волосы кудрявились и лохматились в разные стороны, как оду-

ванчик. И это было прекраснее всего на свете). Меня раздражало все, и свой гнев я вылила на нем. Он молча слушал мою истерику по поводу того, что чайник совсем не греет воду, и он не позаботился об этом. N, глядя в мои глаза, с той нежностью, с которой смотрит создатель на свое творение, начал заливать воду из своего чайника в мой. Вода быстро начала заполнять и без того полный чайник и начала литься из краев. Он продолжал заливать воду, пока чайник вовсе не стал пустым и лишь после этого отправился дальше по своим делам, как будто ничего не случилось. От такой простоты и неиссякаемого потока радости и счастья, моя злость начала проходить. Мой день снова начал налаживаться и солнце снова не обжигало, а любяще согревало.

Я часто слышала, что полюбить в один миг невозможно. Спорить с этим убеждением я бы не хотела, да и не смогла убедить в верности или неверности этих слов. Но в одном я уверена на все сто процентов – осознание любви приходит в один момент. Вы приходите после долгого и изнурительного дня домой, готовите ужин и начинаете есть. Пока вы едите, вы не чувствуете, что наелись, но в один момент вам больше не хочется есть. Вы осознаете, что больше не голодны. Так же я осознала свою любовь в один момент. Момент, в который я осознала, что он своим теплом растопил мой лед и заполнил душу теплом, так же, как утром чайник заполнился горячей водой. Вечером, когда N пришел домой, я показала ему, купленный в магазине напротив, кипятильник. Вода те-

перь будет греться в два раза быстрее. Посмотрев в его светлые глаза, при свете отдававшие зеленым цветом, прошептала со стыдом за утреннее происшествие и всей нежностью, что наполняла меня: «Я больше не живу прошлым». Я люблю тебя, мой сладкий (и я тебя люблю, вечность моя)».

Сердце продолжало биться

Все эти прожитые дни без тебя я помню смутно. Они лишь обрывками всплывают в моей голове. Такой и стала моя дальнейшая жизнь – обрывистой. Один из таких обрывков я запомню до конца своих дней.

У нас на носу был важный футбольный матч. Мы вышли в шортах черного цвета и спортивном костюме бело-зеленого цвета сверху, на предматчевую разминку. Шел мелкий и приятный дождь, со рта выходил пар, хотя холода мы не чувствовали. Ребята подбадривали друг друга и пытались зажечь перед важнейшим матчем. Мы не нуждались в дополнительной мотивации, это был матч года, который требовал особой концентрации. Мои мысли были далеко от стадиона, я искал ее на трибунах, на месте, в котором она всегда смотрела за моими матчами. Но там ее не оказалось, она никогда не задерживалась. Видимо появились важные домашние дела, и она будет смотреть их на нашем телевизоре. Эти мысли успокоили меня, я вдохнул свежего воздуха, закрыл глаза и представил, как вернусь домой, мы с Алисой накроем

стол, откроем бутылку французского Chateau Lafite, насладимся бокалом его чудного вкуса, и оставим оставшееся на следующий матч, и отправимся в освещенную маленькими, как звезды, светлячками на потолке, гостиную и грациозно поплывем в медленном танце под звуки пиано. Это был мой ритуал перед каждым матчем. Ожидание прекраснее самого праздника, а потому в предвкушении моего визита в рай, я пребывал в прекрасном настроении и готов был на любые свершения.

Стадион начал наполняться: кто-то был одет в нашу белую футболку с зелеными, горизонтальными полосами, тучный мужчина бил по барабану, который висел у него на шее, маленький мальчик лет десяти, в теплой куртке, побежал купить попкорна перед матчем. За десять минут до матча стадион уже был полон, как пчелиный улей и вместить туда хотя бы одного человека, казалось невозможным. Я последний раз посмотрел на трибуны, проверил взглядом ее место, но она не появилась. Я предвидел, что эти девяносто минут будут длиться бесконечно долго, и я успею соскучиться по ней. Я спустился в тоннель и начал готовиться к выходу вместе с другими парнями. Сегодня, практически, как и всегда, я был в старте. Судья дал знак и гордо зашагал вперед. Мы последовали за ним и стадион одобрительно загудел.

Стадион гремел, небо разрывалось от дикой грозы. Это была самая долгая ночь. Я бежал с мячом, дождь бил мне в лицо и я не сумел увернуться от подката и получил по но-

гам. Свисток. Штрафной в тридцати метрах от ворот соперника. Закрыв глаза, я представил, как ты смотришь этот матч по телевизору и ждешь с нетерпением меня. Мяч был установлен на точке, голкипер противника установил стенку и я был готов пробить этот удар. Свисток. Удар. Гол. Стадион взревел от радости и бурлящей кровью эйфории. Я побежал к нашей скамейке, чтобы отметить этот гол с запасными. После этого я уже не слышал ни рева трибун, ни стука разбивающихся о землю капель дождя, ни грохочущего божественным басом грома. Я лишь слышал обрывисто слова: «авария», «Алиса», «разбилась». Моя Лис разбилась. Нет, это не могло быть правдой, я что-то перепутал. Сейчас подойдет тренер и скажет, что это все ошибка, глупая шутка телефонных хулиганов. Как же я обрадовался, когда тренер подошел ко мне, но радость была не долгой. Он крепко обнял меня и прошептал: «Крепись!».

Почему я тогда не умер? Живу ли я сейчас? Не помню ни дороги, ни машин, ни себя. Уже через, бесконечно долгих, десять минут я был в больнице. Раньше, бывая в больнице, я замечал этот противный, режущий нос запах лекарств и спирта, белые, с неровностями и шероховатостями стены, подавленные и измотанные бюрократией и болезнями лица. Но в этот раз я ничего не увидел, а сразу оказался перед дверью реанимационной. Меня не пускали к ней, будто я не выдержу, и отправили ждать снаружи. Я сел на холодную кушетку, и мучительные минуты отдавались в моей голове гро-

хотом от стука стрелки часов. Я ждал, ждал на перепутье двух дорог. Одна вела в рай, другая в ад.

Вышел врач, опустил глаза и сказал что-то про старания и сожаление, и что моя Алиса умерла. Тело мое медленно сползло на гранитный пол, и я даже не смог зарыдать. Боль моя не вышла слезой, душа моя вышла болью. Я не видел, как умерло ее тело, но я видел, как умирала ее душа. Медленно, мучительно, в моем сердце. Жизнь остановилась, сердце продолжало биться. С этих пор мое настоящее исчезло, и прошлое затянуло меня к себе. Как воронка, оно затягивало меня все глубже и глубже, лишая кислорода. Но я не противился этому и уходил вместе с мыслями о ней на дно. И под этой водой голоса моего уже не услышать, но я все повторяю, как молитву, твое имя. Алиса, спаси меня.

Дневник Алисы

Под сенью трагедии своей жизни и оставленной ею пустоты в душах наших, мы ищем то, что сможет заполнить этот пробел. Люди заполняют пустоту крепким алкоголем, полетом, в, казалось бы, только вчера реальное, но сегодня такое сказочное и невозможное прошлое, верхом на своих мыслях. Но порой алкоголь не способен пробить оболочку боли, не может затуманить наш разум и открыть нашему взору прекрасное сего мира, а потому люди, чьи души пропитаны тос-

кой и болью, от неспособности смириться с обесцветившимся миром, решают покинуть его. Печальный конец, но конец ли это.

Мне повезло больше, чем всем прочим. Моя душа осталась способна воспринимать краски этого мира, а мозг все еще поддавался манящему зову алкоголя в чарующую страну грез и вечного покоя. Ее мысли, буквы, написанные ее тонкой, хрупкой рукой, проливали свет на окружавший меня мир, и я снова видел, как он обретал краски и тени. Даже после своей смерти, Алиса осталась художником моей жизни. Закрывшись в своей квартире, убежав от всего чужого за дверь, я сел на нашу мягкую кровать, ярко-бордового цвета, согревавшую мой взор и принялся читать ее дневник.

«Он не был идеален, но больше всего меня раздражала его привычка смотреть в глаза. Пристально, пытаюсь заглянуть в самую глубину, чтобы увидеть все загадки и скрытые стороны моей души. Я отводила взгляд, краснея от смущения и страха остаться зачарованной его пронизательным взглядом. Раньше, мужчины тоже смотрели в мои глаза и делали вид, что разглядели что-то в них. Что же? Ответ был очень разный. Кто-то видел в них жизнь, кто-то будущее, кто-то пугающую и в то же время затягивающую красоту, а кто-то видел в них счастье.

Когда наши отношения с N переросли во что-то большее и сомнения с неуверенностью покинули меня, я спросила его, что же он видит в них. Но он ничего не ответил, лишь сделав

вид, что не услышал мой вопрос. Мне было немного обидно от его игнорирования вопроса, но в то же время очень интригующе, что бы он ответил. Проходили дни, солнце сменялось луной, и о своем вопросе я позабыла. В холодные дни осени, прячась от дождя и грусти, я лежала в нашей теплой кровати, укутанная белым с зелеными полосами пледом. В один из таких дней я лежала без настроения и просматривала вечернее ток-шоу с Эллен Дедженерес. Но шутки и танцы не поднимали моего настроения, и когда Н вернулся с тренировок, он легко заметил мою осеннюю, легкую меланхолию. Тогда, сев на край кровати и снова взглянув своим завораживающим взглядом в мои глаза, он спросил: «Ты хотела знать, что вижу я в них? Себя. Я вижу в них себя. И без них меня уже не будет». Наша любовь подобна лаве, в которую попали два куска неизвестной руды – мы. И лава сделала их одним целым. Как же прекрасен этот мир, в котором отдельные части атомов соединяются в одно целое, и дарят нам целую вселенную радости. (Но наши атомы распались. Я не верю в прекрасное этого мира, мира в котором мы не вместе. Какой же он бессмысленный, когда одно целое разбивается на части, ровно в половину. Весь этот мир все больше и больше заполняется разбитыми половинами, которые живут и чувствуют в половину. Спасибо тебе, что ты оставила после себя этот мир, в котором все цело и без остатка)».

Я очень аккуратно закрыл дневник Алисы, боясь, что весь этот прекрасный мир выльется наружу. Он принадле-

жит только мне. По винтовой лестнице из красного дерева с древнегреческими узорами я спустился на кухню. Она стояла нетронутой уже очень долгое время. Если бы не Анна (наша домработница, которую наняла Алиса) весь дом видно зарос бы паутиной. Единственное, что интересовало меня на кухне – это алкоголь. И в город я выезжал лишь для того чтобы закупиться как можно больше шотландского виски. Не пробовавшего крепкий вкус этого напитка, может вырвать от его терпкого вкуса, но это единственное, что еще не потеряло свой вкус в этом сером мире. Я открыл новую бутылку Highland Park, сел на пол из кафеля и сделал пару глотков моего заполнителя пустоты. Жидкость прошла по горлу, приятно прожигая его, пробуждало мою душу и с глаз моих пошли слезы. Я вновь ощутил свою душу, и боль через слезы на время покинула мое нутро. Сквозь слезы и затуманенный взор я видел нашу с Алисой фотографию на белоснежном холодильнике. Это была Прага. Летнее солнце уже успело согреть воздух, несмотря на то, что мы вышли довольно рано и свою экскурсию начали с Тройского замка. Нам с Алисой он очень понравился: классическое сооружение, напоминавшее большой особняк (но с некой изюминкой) бледно-красного цвета с белыми вставками, которые придавали ему умиротворенный вид. Перед замком стоял фонтан (чаша небольшого размера с, казалось бы, созданного природой каменным столбом), а лестница в него охранялась античными титанами и древнегреческими богами. На фоне этого, моя Лис

пыталась передать мне бутылку с водой, которая предательски соскользнула и вырвала из уст моей любимой громкое «Падает» и я, пытаясь поймать бутылку, упал на колени. В этот момент нас и запечатлел фотограф. Она с широко открытым ртом, будто громко хохочет от чего-то и я на одном колене, рукой тянусь в ее сторону. Как же мы были счастливы. И нам казалось, так будет всегда и счастье наше не рушимо, а потому вечно. Казалось.

Я сделал еще пару глотков, которые вернули меня в настоящее. Закрыв от усталости глаза и впервые за пару дней уснул на холодном, но казалось таком мягком полу.

*Цветы,
которые больше не пахнут*

Проснувшись поздней ночью, меня обуяла такая мучительная тоска. Я был пьян, ноги не слушали меня, но вот память надоедливо напоминала мне, что в доме этом я один, да и в мире, скорее всего я остался один. Я побежал наверх, спотыкаясь и падая, к своему спасению. Вот уже около года, единственный с кем я общался и виделся, был ее красный дневник. Кажется, все, что происходило со мной, было не настоящим, страшным бредом моего сознания, а все настоящее, реальность моя была в этом дневнике и мире созданном Алисой. Я бережно открыл его и начал вчитываться в каждое слово.

«До встречи с N я была совершенно другим человеком. Я была задавлена своими проблемами, разобрана и разбита на мелкие кусочки. Как цветок, что по року судьбы оказался на обочине дороги. Каждый прохожий, каждая повозка, не замечая, втоптывали меня в грязь и силы мои были на исходе. Как же сильно меняется наша жизнь от присутствия или отсутствия в ней людей. Наша жизнь – это и есть люди. Они, как зеркало, лишь с ними мы можем увидеть себя. N ворвался в мою жизнь неожиданно, утопив мою тоску в своей любви. Ее было так много, что я перестала видеть свои проблемы и была ослеплена ее лучами. Цветок, который погибал у дороги от ударов судьбы, вновь начал цвести. N не был садовником. Я – цветок, он – земля».

Мой маленький цветочек, как же мне не хватает тебя. Сердце мое разрывается, и я хочу рыдать. Хочу выпустить эту боль наружу, чтобы смотря вперед, я хоть немного видел этот миг, не прошлое и не осколки от разбитого, а миг, в котором жизнь моя снова идет. Но выдавить слезы из себя я не мог, а потому лишь натужно начал стонать, надеясь, что боль выйдет вместе с голосом моим. Я вспомнил наши цветы. Сирени, ты их так сильно любила. А я полюбил их, потому что они вызывали улыбку на твоём лице. Я до сих пор помню их душистый аромат. Запах весны, надежды и любви. Если бы мне снова испытать его, но больше я не чувствую этого, запахи потеряли свой смысл.

По моему глубокому убеждению, пережить предательство

легче, чем отпустить человека в новый мир, без тебя. После предательства нас заполняет ненависть. Она пылает внутри нас, сжигая все приятное, что было с нами. Каждая клетка нашего тела заполнена ненавистью. Позже наступает момент разочарования. Мы разочарованы в своей половинке, в том, как же она поступила, но больше всего мы разочарованы в себе. Мы хотели верить, что это настоящая любовь, та, о которой пишут в книжках, но мы ошиблись, повесили на человека маску, того каким видим мы его сами. Дальше только равнодушие. Душа наша остывает и ни встречи, ни прикосновения уже не способны пробудить чувства, которые давно остались в прошлом, в котором мы убедили себя, что их и не было. Три стадии. Три неизбежности. Но когда человек умирает, ты не можешь ненавидеть его. Умирая, он забирает часть нашей души и оставляет в ней пустоту. Невосполнимая пустота остается с нами на всю жизнь. Сколько себя не заставляй, быть равнодушным невозможно. Единственное, что нам остается, это носить на могилу цветы. Цветы, которые больше не пахнут.

Каждый день я носил на ее могилу цветы. В руке моей были букет сирени и бутылка виски. Когда мы не можем ничего изменить, нас охватывает отчаяние. Под воздействием, которого я и приходил на могилу с цветами. Мне казалось, она услышит их аромат и придет вновь ко мне. Сейчас, когда я смирился с неизбежностью судьбы, я понимаю, что это было бредом, надеяться на то, что Алиса спустится ко мне

со своего мира. Эта надежда грела меня и давала силы, как казалось мне. Но на самом деле я застрял посреди жизни и смерти. Пока наша надежда жива, наши часы не идут. Время бежит, да вот только мы проходим мимо.

Отчаявшись встретить тебя, я перестал плыть и просто отдался на волю течения. Оно приводило меня в кабаки, да публичные дома. Что значит быть верным? Алиса, мне кажется верность – это хранить тот мир внутри, что мы создали вместе. Когда ты ушла, я потерял цель, потерял смысл, потерял себя, но этот мир я оберегал в себе. После тебя я искал ту, которая смогла бы приглушить боль, помочь мне забыть и перестать думать. Маленькую шлюпку в огромном океане тебя. Но волны океана были слишком велики и опрокидывали меня снова в воду. Мысли о тебе, о том, что мне тебя больше не обнять и не почувствовать догоняли меня в постели с другой. И сам себе я стал противен, а остальные вызывали во мне отвращение. Предательство ли это? Мне не известно, это решать лишь тебе. После твоей смерти я никому не открывал своего сердца и никому не узнать, что в нем ты. Тебя оттуда никто не прогонит, я никому не позволю этого. Твой дом – мое сердце. Да, ремонта в нем не помещало бы. Но дом этот будет твоим, пока я живу, тебе будет тепло в нем.

На улице начало светать, появлялись первые лучи солнца. Они обжигают меня, Алиса. Новый день, снова 24 часа мыслей в этой пустой квартире. Я начинаю сходить с ума. Лишь

твой дневник не дает мне окончательно потеряться в мире. Не знаю, что будет, когда он закончится. Мне очень страшно думать об этом. Прошу тебя, Алиса, спаси меня.

*Твой аромат –
мои воспоминания*

Мир уже никогда не станет прежним. У каждого из нас он свой и важно понять, что промывка наших мозгов государством и СМИ не сделает его одинаковым. Мы живем на одной планете, но в разных мирах. Мой мир подобен густому туману, в котором ничего не увидеть, и нет уверенности, куда идти, где будущее, а где прошлое. Но в этом тумане был светлый луч, который помогал мне маленькими шагами двигаться. Движение – жизнь. И возможно благодаря ее дневнику я все еще дышу. Я открыл первую страницу дневника Алисы и окунулся в тот прекрасный, июльский день.

«Этот жаркий день сводил меня с ума. Город изнывал от жары. Фонтаны работали бесперебойно, чтобы спасти нас от палящего солнца. Умирая от

летнего зноя и тысяч дней, прожитых не с теми, я пришла спасаться к фонтану. Я люблю фонтаны, потому что они подарили мне тебя.

– Ты веришь в драконов? – спросил ты без всяких приветствий.

– Нет.

– А в единорогов?

– Не верю.

– А в любовь?

– Не знаю.

– Я верю.

Странный диалог для общения с незнакомым человеком.

Не знаю, почему я тогда начала отвечать тебе, но как же многое значили эти слова. Я не верила в драконов, сказки и судьбу. Но я поверила в тебя. В тот миг и никогда больше не сомневалась. Верю ли я в любовь? Я верю, потому что любовь – это ты».

Я запомнил этот день навсегда. Хотя я не помнил фонтанов, людей и суету вокруг. Я был захвачен тобой и уже ничего кроме не видел. При нашей встрече тебе было уже девятнадцать, хотя выглядела ты явно младше на пару лет. Грациозная, с утонченной фигурой, ты была словно лань, что парит среди каменных джунглей. Ты посмотрела на меня и я увидел карие, бездонные глаза. Этот взгляд заморозил меня и я почувствовал такую легкость, мне казалось, что все это время, до встречи с тобой, я летел с парашютом и не знал, раскроется он или нет. Ничего не замечая, я летел вниз и думал, раскроется ли мой парашют? Но увидев этот взгляд, который обладает успокаивающим эффектом, я понял, что парашют мой раскрылся и я парил словно гордый орел под сводом неба. Я видел, как проплывают облака, дыхание захватывало от вида зеленых лесов, золотых полей и светлого

озера. Жизнь обрела новые краски, мой мир изменился с появлением твоих глаз. Брови твои были тонкие и шли изогнутой линией и в союзе с густыми, черными ресницами, твои глаза сводили с ума и завораживали, заглянувшего в них. Лицо твое было овальное, со светлой кожей, наполненной жизнью. Маленький, прямой нос располагался чуть выше сочных, нежно-розовых губ. Ох, как же тогда ёкнуло мое сердце, и я был схвачен в твой плен. Но больше всего в глаза бросилась твоя черная родинка над губой. Позже, мы с тобой назвали это поцелуем ангела. Я любил целовать эту точку, словно ворота рая открывались предо мной. Но больше я не могу прикоснуться к ней. Эта божественная способность теперь дана лишь ангелам. Потеряв твою родинку, ворота рая навсегда закрылись. Но когда я осознал свою потерю, врата снова раскрылись предо мной. Но вместо рая я увидел лишь ад. Мой бесконечный ад.

С этого дня календарь отмерил ровно пятьсот семь дней до крушения моей жизни. Я помню тот дождливый день, когда твое тело погрузилось в землю. Будто придуманные боги олимпа сочувствовали моему горю. С тех пор я оказался между пропастью и стаей тысячи голодных гиен. И я боюсь, Алиса. Боюсь смотреть на твое фото и увидеть образ, в котором больше нет тепла. Но гораздо страшнее забывать твое лицо. С каждым днем образы в голове размываются. Когда забывается целая жизнь, остаются запахи. Твой аромат. Я помню его. И среди тысячи других я узнаю его. Этот

запах возвращает меня назад. В жизнь, в спасительное прошлое. Твой аромат – мои воспоминания. Мне этого никогда не забыть.

Жизнь продолжала бежать своим чередом, хоть я больше и не мог идти. За свою карьеру футболиста я заработал хорошие деньги, которые теперь спускал на алкоголь. Я богат и я могу позволить себе перестать жить, перестать бороться. Но я все еще жив, а значит, борьба моя не закончилась. Пару раз мне звонил менеджер и просил вернуться. Звонили так же одноклубники и оставляли сообщения, в которых повторяли: «Возвращайся. Тебя не хватает на поле». А я пил жадными глотками виски, прижимал к груди ее дневник и с отчаянием повторял одни слова: «Алиса, спаси меня».

Мой ангел

К обеду пришла Анна и прибралась дома. Она видела мое отрешенное отношение к жизни, но продолжала верить, что я справлюсь. Именно поэтому она погружалась в атмосферу этого дома, убиралась и готовила мне поесть. Ел я мало, а потому скинул уже больше десяти килограмм. Я спустился на кухню, взял хлопьев и прошел в гостиную. Здесь все было такое жизнеутверждающее: высокие, яркие потолки, обои нежно-желтого цвета, большие окна с видом на зеленый парк, в котором пылала любовь молодых и старых. Дизайнером этого дома и моей жизни была Алиса. Я сел за

большой стол из красного дерева и принялся, есть свои хлопья. Я не должен был умирать от голода, хотя не знаю почему. Перед столом висели два больших портрета. На одном мы с Алисой, на другом мои родители. Моя семья и обе бывшие. Моя мама и мой отец. Отца своего я не любил и скорее ассоциировал со злодеем из дешевых боевиков. А мать была прекрасной женщиной. Мне довелось прожить с ней всего лишь восемь недолгих лет. Как же время быстро текло в минуты с любимыми и как же долго оно тянется в пустоте. Прежде чем покинуть этот мир она успела вложить в меня всю свою любовь. Я не помнил ее взгляда, ее голоса, ее кожи, но представлял маму океаном белой ваты. Такой она была: нежной, мягкой и теплой. Возможно, поэтому болезнь оказалась сильнее ее. Ее сердце было настолько большое и полно любви, что не выдержало, и очередной приступ оказался смертельным. Это было ночью, я проснулся от громких шагов и разговор. Высунувшись из своей комнаты, я смотрел, как люди в халатах забирали маму на носилках, укрыв какой-то тканью. Отец сидел на диване, укрыв свое лицо ладонями, и когда я с криками «мама, мамочка» побежал к ней, он схватил меня и зарыдал.

Едва мне исполнилось двенадцать лет, отец умер от алкоголя. Четыре года с отцом, без матери, оказались для меня настоящей каторгой и сущим адом. Ее смерть очень изменила наши жизни. Отец, пытаясь утопить свое горе в выпивке, стал лишь сосудом для онога, а детство мое закончилось в

тот момент. Даже трезвый, отец был очень жесток, а соединение с алкоголем сделало его сущим дьяволом для меня. После его смерти я не знал плакать мне или радоваться. Я плакал, но скорее боясь той неизвестности, что ожидала меня дальше. Шесть лет после этого я провел в детском доме. Это место я запомнил, как храм жестокости и ненависти. Выживал там тот, кто был готов бороться не переставая. После отцовского ада, выжить в этом месте оказалось не трудно. Но за время, проведенное в этом храме, я никому не позволил растоптать любовь матери и хранил ее в себе. Я всегда верил, что именно эта любовь позволила мне встретить свое счастье. Встреча с Алисой перевернула мою жизнь. На пятьсот семь дней она стала моей семьей. Единственной. Она мой ангел. Жизнь моя полна потерь, а может это мое проклятье? Дарить смерть тем, кто рядом со мной. Все пошло не так после смерти матери. У нас могла быть другая жизнь, которую помню я. Не без горьких моментов, но тем слаще были дни счастья. В памяти своей я часто вспоминал один запомнившийся день из моего детства.

У меня неплохо получалось учиться. Но с первого класса я полюбил рисование. Помню весеннее утро, шумный класс и задание от учителя нарисовать наш идеальный мир. Я испытал непередаваемое чувство радости, увидев результат своих трудов. В моей картине было лето, вечное лето. Кругом зелень, большое синее море, дома на деревьях из чистого хлопка, а вокруг росли бананы, груши и виноград. Это

был рай, в котором нам надо было лишь проводить все свое время с любимыми. Мне и не вспомнить какую оценку я получил за свою работу, но видно очень хорошую. С улыбкой на лице я побежал домой, обрадовать маму, моего главного болельщика. Она всегда, единственная, переживала за мои успехи. Забежав домой, я увидел страшную картину: комната разрывалась от отцовского крика, и он в порыве гнева ударил мать своей грубой ладонью. Мама упала на кровать, Я в истерике, задыхаясь от злости и несправедливости, подбежал к отцу и толкнул его, что есть мочи. Он споткнулся и упал.

– Не смей трогать маму, – кричал я сквозь слезы.

Отец, вставая, снял свой ремень из чистой кожи с огромной металлической бляхой. Когда он замахнулся, я смотрел ему прямо в глаза. Я видел в них злость и ненависть ко всему миру. Бляха со свистом попала мне в лицо, и кровь хлынула на стены и пол. Этот случай подарил мне шрам – мое единственное напоминание о времени, проведенном с матерью.

Душа каждого из нас это великая сила, наш пылающий меч. Мы дарим его тем, кого хотим защитить. Любовь заставляет нас подарить его, оставляя самих безоружными. Я не жалею о том шраме. Свой меч я использовал правильно. Мы должны защищать тех, кто любит нас и не выбрасывать, подаренный нам, меч, не оставлять его врагам. Оба моих меча забрала судьба, но я использовал их по назначению.

Моя жизнь стояла на месте. Жизнь моя – это лишь мысли,

мысли, мысли. Их прервала Анна. Она собиралась уходить и стояла на пороге. Своими голубыми глазами она смотрела на меня с таким сожалением, казалось, вот-вот она заплачет. До этого момента, она боялась заговорить со мной, а может просто я был глух.

– Неужели в мире, где есть срок всему, есть что-то бесконечное?! – выпалив эти слова, Анна ушла.

Порой мне кажется, что этот мир полная логорея. А моногамия потеряла свой смысл и теперь это не больше, чем слово в старых книжках прошлой эпохи. Моя любовь к Алисе была словно пожар. Она охватывала каждую часть меня. Горел я быстро, пламенно и ярко. А потому топлива для других не оставалось. Этот мир привык удовлетворять свои потребности, использовать блага во имя своего эго, презирая жертвенность и благородие. А потому измена в таком мире была чем-то обыденным и люди больше не удивлялись этому, находя оправдания и даже умудряясь прощать. Я чужд этому миру. Зная, что в лучшем случае, при благосклонности судьбы я могу прожить около шестидесяти лет, я даже не мог подумать об измене. Из этого срока, двадцать три, к моменту встречи с Алисой, я уже прожил. Получалось, жить оставалось около тридцати тысяч пятьсот дней. Катастрофически мало. И я был не согласен делить ни минуты с другим человеком. Любовь, на то она и любовь, что заставляет тебя жить этим человеком, никого не впуская в ваш мир. Если измена произошла, значит, любовь уже мертва. Еще до

встречи с Алисой, я встречал старую индейскую поговорку, которая гласила: «Лошадь сдохла – слезь». Но мы верим и надеемся, мы прощаем измену и пытаемся скакать на дохлой лошади, отравляя себя запахом гнили. Моя лошадь жива. Да, вот только сам я сдох.

Я стал зомби, и радости мне нет. В бреде своем, пытаюсь разглядеть силуэты этого мира, я вижу везде образ твой и кричу, что есть сил, услышь побежденного: «Алиса, спаси меня».

Больше никогда не увидать тебя – это худшее из наказаний

Дни тянулись медленно и мучительно, а ночи были бесконечны. Я часто садился перед окном и смотрел вдаль. Мне казалось, там, за горизонтом, есть мир, в котором ждет меня моя Алиса. Я смотрел и ждал, когда она покажется на горизонте и позовет меня к себе. Сидеть так, я мог часами, чтобы не читать ее дневника и растянуть его, как можно дольше. Но в моменты, когда боль становилась нестерпимой и прожигала мою грудь, я припадал к ее дневнику и слова ее успокаивали мою больную душу. Одну из страниц я перечитывал несколько раз. Она мне очень нравилась, мне казалось, что она смотрит из дневника, прямо на меня.

«Я люблю каждую часть его тела. Светлое, рельефное тело было в форме трапеции с основанием в широких, му-

жественных плечах. При первой встрече и все последующие, я была словно ребенок, которому подарили настоящего, живого единорога. Его глубокие, темно-зеленные глаза, с карим оттенком, смотрели прямо в душу. Его короткие, темно-каштановые волосы открывали широкий лоб, под которым были густые, черные, как уголь, брови. У моего N необычная красота, которая тянула как-то по особенному. Он был чуть выше меня. И мир внутренний соответствовал внешней оболочке. Его душа была прекрасна, так же, как и его глаза. Чуть ниже этих глаз, возле выделяющихся, мощных скул, у него был шрам в виде галочки. N никогда не рассказывал откуда он, а я и не спрашивала. Со шрамом или без, он всегда будет особенным для меня».

Моя Лис, кажется, что ты смотришь на меня, в мои пустые, потерявшие способность плакать, глаза. Кажется, ты сейчас злишься и морщишь нос, как всегда делаешь это, когда что-то не нравится тебе. Тебе не нравилось, когда я называл тебя Лис. Это не твое. Но ты приняла это, приняла вместе со мной. Мне так много хотелось сказать тебе. И целой жизни не хватило бы для этого. Лишь потому я сокращал. Сокращал фразы, имена, названия. Но чувства наши я не сокращал. Я жил ими и дышал полной грудью. Этот мир заполнен звуками, самыми прекрасными звуками. Порханьем бабочки, нежным шелестом листьев, пением птиц, разбуженных теплым, восходящим солнцем. Но самым прекрасным звуком останется твое имя. Оно наполнено искренним, неза-

менимым счастьем, вечной надеждой и непоколебимой верой в светлое будущее. Такое простое, но такое глубокое. Алиса, прости меня. Каждый раз, сокращая твое имя, я хотел увеличить время для наших бесконечных разговоров. Но вместо этого, сокращая его, я сократил твою жизнь. Я сам оказался твоим палачом. Было миллион моментов, когда я хотел уйти за тобой, бросить все, весь этот проклятый мир и быть лишь с тобой. Я виноват в твоей смерти, в том, что боясь, потерять время, я отнял его у нас. Что держит меня в этом мире? Возможно, что ничего и не держало, но все же в душе моей было семя, посаженное тобой и нашей любовью. Именно оно держало меня на плаву, хотя и плыл вовсе не к цели.

Я никогда не верил в бога. Я не верил в существование ада, рая и вечность нашей души. Когда ты умерла, страх охватил мою душу. Больше никогда не увидеть тебя – это худшее из наказаний. Каждый день, утопая в алкоголе, я просил смерти. Но ведь это не могло закончиться так просто. И я поверил в бога, я поверил в рай ради нашей встречи с тобой. Там, где-то очень далеко, где все светло и вечно, в новом мире, мы обязательно встретимся с тобой. Встреча наша будет, как искра, души наши всколыхнутся, загорятся ярким пламенем и освятят наш с тобою мир ярче тысячи солнц. Эта встреча будет вечной. Но ведь смертники не могут попасть в этот мир, мир, в котором есть ты. И потому, я больше не прошу смерти. Каждый раз, когда боль пронзает мое серд-

це и мне хочется умереть, я прошу спасения у моей вечной любви. Алиса, спаси меня.

Последний поцелуй

Ранним утром, встав раньше обычного, насладившись сладким сном Алисы, я отправился на наш балкон. Солнце только вставало, нежно-розовым светом освящая, пробуждающуюся Землю. Утро мое начиналось с легкой пробежки в парке, напротив нашего дома. Я бегал, радуясь солнечной энергии, что согревала и подпитывала мое тело и душу. Воздух проходил сквозь горло и попадал в легкие. Он был таким свежим, словно я оказывался на бескрайних просторах, где свет играл с зеленой травой, а ветер хулиганил в листьях деревьев и приносил все это великолепие в мои легкие, которые я заполнял полностью, не оставив незатронутой ни сантиметра. День выдался солнечным, и с самого утра все было прекрасным. Ни одной пробки по дороге на нашу тренировочную базу, люди улыбались, большая, золотистая собака породы лабрадор бежала, весело виляя хвостом. Я быстро оказался на базе, в которой никого из партнеров еще не было. Я любил приезжать раньше и наслаждаться тренировкой в одиночку. Это было для меня искусством, в котором я открывал себя и словно взлетал на крыльях счастья. База начинала заполняться, и мы приступили к тренировкам. Выполняя челночный бег, мне вдруг стало тяжело дышаться, в гла-

зах помутнело и я упал. Очнулся я в кабинете нашего клубного врача. Он осмотрел меня и сказал, что нужно пройти компьютерную томографию. В тот же день мне была сделана томография, и врач сообщил плохие новости. Рак. Хотя он успокоил меня и сказал, что на ранних стадиях эта болезнь поддается лечению. Я побоялся говорить об этом Алисе, не хотел отнимать у нас счастливые дни. Если вдруг, лечение не помогло бы, мы должны были прожить это время в радости.

Через два дня у нас должен был состояться тот самый злополучный матч, который перевернул мою жизнь. Я убедил тренера, что готов сыграть и принести команде пользу. Перед матчем, уезжая в отель, я нежно обнял Алису и поцеловал, даже не догадываясь, что это наш последний поцелуй. Но по року судьбы умер не я, умерла Алиса. После ее смерти я забыл о лечении, погрузился в алкоголь и ждал, когда эта проклятая болезнь, ставшая моим спасением, вернет меня к Алисе. Парадокс, смертельная болезнь должна была стать моей панацеей. Сильно перепив в один из дней, мне сделалось очень плохо и рвало. Тогда, пришедшая домой Анна, вызвала скорую помощь. В этот момент моим надеждам суждено было рухнуть. Врач сообщил, что с алкоголем пора завязывать и дать организму восстановиться, а рак мой отступил и предательски оставил меня одного на растерзание моей пустоте. Неужто судьба так жестоко пошутила надо мной?! Или любовь твоя не позволила мне умереть? Ты не могла так поступить со мной. Оставить одного, забрав

мою смерть с собой. Не могла обменять свою жизнь на мою. Жертвы во имя любви всегда слишком жестоки. Полюбив искренне, всем своим сердцем и душой, мы подписываем контракт, в котором соглашаемся на любые жертвы. И чем сильнее любовь, тем выше эти жертвы. Умерев вместо меня, ты обманула и мою смерть. Любовь болезнь, но твоя была вакциной. Моим наркотиком, без которого я больше не мог жить. С тех самых дней я остался сидеть в своей квартире и ждать. Не знаю чего, но чего-то такого, что должно было меня спасти. А пока спасение я просил у своей бесконечности. Последний раз, надеясь, что мое отчаяние ты услышишь, я прошу тебя, Алиса, спаси меня.

Родинка

Умирать не страшно. Страшно так и не начать жить. Не страшно упасть, гораздо страшнее не заметить этого. Люди часто взывают к богу и просят облегчить их страдания. А я бы все отдал, чтобы вновь почувствовать боль. Но, увы, ни боли, ни страданий я уже не чувствовал. Странное желание – испытывать боль. Но чувствовать боль – значит жить. Став равнодушным к боли, я стал равнодушен к счастью и к жизни. Прошло уже многим больше года, как Алиса покинула этот мир. О, будет проклят этот мир. За это время я начал привыкать к одиночеству, но ужаснее – я смирился с неизбежностью жизни. Что бы мы ни делали, куда бы ни стреми-

лись, но конец будет один – смерть.

Единственное осталось неизменным – я все так же много выпиваю. Я не чувствую душу и ее в ней, но алкоголь помогает понять, что ее больше нет.

Это была суббота. Ранним утром проходил матч команды. Я видел по телевизору, как они играли. В такие моменты особенно тяжело. Я вспоминал свою игру, голы, празднование. Как отправлял воздушный поцелуй Алисе, а она в эйфории, с согревающей душу улыбкой, принимала мой поцелуй. Я боюсь выходить на поле, потому что знаю, поцелуй мой больше некому принять. В этой панике и страхе я отправился на могилу к Алисе. Я сел на гранитный камень, что закрывал ее могилу и начал выпивать очередную бутылку эликсира забвения. А место было поистине райским. Выше могилы была живая, зеленая изгородь. Она отделяла могилы от прекрасного хвойного леса за ней. Эта изгородь отделяла мир мертвых от мира живых. Могилы были безмолвны, полны холодного спокойствия и равнодушия. А лес бурлил жизнью. Деревья резвились на ветру, пение птиц пробуждало живых, что пришли к умершим родным. С дивного леса доносился аромат. Мне кажется, если бы все имело свой запах, то свобода пахла бы именно так. По бокам от могилы Алисы были две полосы зелени. Вначале росли два кустарника в виде конуса, за ними шел ряд белых цветов ромашки. А в углах притягивали взгляд темно-красные розы. На гранитном камне темно синего цвета стояли две вазы с цвета-

ми и красные подсвечники, которые пришедший мог зажечь вечером. Хотя на могилу Алисы приходил только я. Лишь на похоронах было много народу, но после них я никого не видел здесь. Родители ее жили далеко, и возможно это было оправданием, а возможно мы с ними по-разному относились к Алисе. Надгробный камень был черного цвета. Но не цвета смерти и темной ночи, а цвета необъятного и наполненного жизнью космоса. На камне были высечены золотыми буквами строки. Строки, которые любила повторять мне Алиса.

А за окном у нас огромный космос

И люди в нем прекрасные миры.

Средь тишины, в ночи услышишь голос:

«Ты не один, под светом утренней звезды».

Мне нравились эти строки, но об их смысле и глубине я никогда не задумывался. У меня было много времени подумать об этом, но моих философских знаний и алкоголя не хватило, чтобы постигнуть смысл этих слов.

Утреннее солнце било мне прямо в глаза. Я вновь уснул на ее могиле. Здесь мне спалось лучше, чем дома. Как будто я чувствовал душу Алисы, которая обнимала меня. В руках моих была недопитая бутылка виски. Здесь, возле тела моей возлюбленной, мне требовалось меньше алкоголя, чем обычно.

«Вставай», – прозвучало у меня в ушах и эхом отдалось

в голове. Видно я схожу с ума, но нежный женский голос повторился вновь: «Вставай... Идем домой».

Открыв глаза, я увидел яркое солнце, которое не давало мне полностью открыть глаза. Перед солнцем, преграждая часть лучей, в ярко-синем платье, падавшим до земли, стояла... Алиса. Боже, спустя бессметное количество пустых дней, в которых я умирал и терял себя, я вновь увидел ее. Сердце мое разрывалось, внутри смешались все чувства, они переполняли меня и начали выдавливаться из меня. Слезы сами начали скатываться по щекам. Как же они приятно обжигают, наконец-то я почувствовал их на своем лице. Я столько ждал ее, столько надеялся и вот, потеряв надежду, потеряв свою душу, я вновь встретил ее, и сердце судорожно забилось в груди. Оно так бешено заколотилось, что меня всего затрясло, я не мог поверить в происходящее. Мне хотелось кричать на весь мир: «Моя Лис вернулась». Боясь своих слез, я попытался улыбнуться: набрал немного воздуха в легкие и разревелся. Я не хотел, чтобы она слышала мой рев, и закрыл рот ладонью, так сильно, насколько хватило моих сил. Но мои чувства предательски прорывались через ладонь, и кажется, даже птицы в соседнем лесу слышали их. Всю свою сознательную жизнь я никогда не плакал. Мужчина должен быть сильным и не показывать слабости своей. И я держался этого принципа и не показывал. До этого момента. Но сейчас боль сама вырвалась из меня. Алиса села и обняла меня. Боже, я слышал, как бьется ее сердце. Я очень сильно

обнял ее, прижал к своей груди и громко зарыдал. Воздуха не хватало, я открывал рот, чтобы заглотнуть хоть немного воздуха. Меня всего трясло, и эта дрожь передалась Алисе. Моя Лис не выдержала, и я услышал ее приглушенный плач. Через столько времени мы вновь встретились, через столько дней я вновь почувствовал свое сердце.

Даже если это бред, и я сошел с ума от алкоголя, и все происходящее лишь попытки спастись опьяненного, умирающего сознания, я никогда не откажусь от тебя. Я готов пить, пить так много, что душа моя и печень сами станут из алкоголя, лишь бы чувствовать и видеть тебя.

– Мне ее тоже не хватает, – услышал я в ответ сдавленный голос.

Что? Я снова обманут и предан? Это была не Алиса. Проклятье, как же так?! Это не Алиса, а лишь ее копия. Младшая сестра, которую я видел пару раз в день похорон. Она была очень похожа на мою любовь, лишь одно отличие – родника. У Ассоль, именно так ее звали, не было той самой родники над губой.

– Где твоя родинка?

Ассоль ничего не ответила и на нее напала новая волна слез. Я смутно помню этот момент, ведь душа моя испытала вечную боль с новой силой. Все эти события были настолько сильны, что стали моей вечностью. Я не помнил детского счастья от нового велосипеда, радости от мелких побед, помнил лишь одно. Мне казалось, я родился в этом горе, в

осознании потерь и боль моя стала вечностью. А судьба продолжала играть моими чувствами и жизнью. Снова она меня обманула, снова у нее получился этот трюк, а я попался на него уже не первый раз. Слезы продолжали идти по щекам, а я, как в бреду, повторял одну фразу: «Где твоя родинка?», – надеясь получить ответ.

Я начал приходить в себя только лишь в машине, наблюдая, как пролетают мимо деревья, холмы и кусочки большого озера. В салоне пахло ванилью, сиденья были неудобные, мое тело практически ничего не чувствовало, но неудобство сидений я заметил. Мы мчались по гладкой дороге. За рулем была Ассоль. Равнодушный ко всему за последний год, я был удивлен, когда внутри начали появляться чувства. А вернее лишь одно, чувство ненависти. Ненависть к той, которая была похожа на любовь всей моей жизни, копия Алисы, но не Алиса. Я даже не знаю, почему я ненавидел ее и ненавидел ли вообще. Хотя да, ненавидел, но не конкретно ее, а игру судьбы в ее проявлении. Тяжело передать, что я испытывал, но представьте, что вы живете дружной семьей в большом, уютном особняке. Он полон ваших воспоминаний, счастливых дней и детской, искренней радости. Но в один из дней особняк охватывает всепоглощающий пожар. Пламя, колыхая, сжигает на ваших глазах все ваши счастливые моменты, что были так дороги вам. Сначала нас это тревожит, но мы верим, что обретем все это в новом доме. Проходят дни, а за ними месяцы и годы, но все уже не было и не будет так, как

раньше. Мы живем в надежде, что вот-вот наступит этот миг и счастье окутает нас. Не испытав ничего схожего, мы взрослеем и детство наше заканчивается задолго до этого момента, тем далеким днем, охваченное пламенем. Оно буквально сгорело на наших глазах. После мы начинаем находить свои детские фотографии, на которых есть этот дом. Наш храм детства, в котором было пережито столько счастливых и прекрасных моментов, и начинаем осознавать, что этого уже не вернуть. Мы можем нанять строителей, построить этот дом заново, покрасить в те же цвета, но чувств былых мы уже не испытаем. Слишком далеко увез нас поезд времени.

Ассоль была той фотографией, той насмешкой судьбы, которая заставляла понять, что ничего уже не вернуть. Даже если восстановить дом, прошлое не вернуть. Я не хотел принимать этого, а может просто не мог и потому я лишь проклинал судьбу и ненавидел копию моей любимой. Копию без родинки. Поцелуй ангела. Как много значит лишь одна точка.

В мире, который сам имеет срок, не может быть ничего бесконечного

Было тяжело проснуться после вчерашних событий. В груди моей щемила тоска, и не хотелось верить, что вчера была не Алиса. Неужели я стал такой тряпкой?! Мне казалось, я всегда буду сильным и выдержу любые удары судьбы.

Я лежал в кровати, когда до меня дошел приятный запах еды. Вкус сыра с яйцами и крепкого кофе. Как же давно я не пил кофе. Употребляя лишь воду с виски, я и позабыл вкус кофе и его бодрящего аромата. Я часто представлял себе картину, схожую с той, что царила в нашей квартире сейчас. Мечтал, что Алиса вернется ко мне, а по утрам я буду просыпаться от звонкого смеха нашей дочери. Я всегда хотел дочь, точную ее копию, чтобы как можно больше тебя окружали меня. Проснувшись, я бы чувствовал приятный запах булочек с маком, которые ты готовила, и мы с дочерью бежали наперегонки в кухню. Уверен в том, что наша дочь прибежала бы первой, в погоне за твоими кулинарными изысками. Мы собирались бы за нашим столом, и полные счастья готовились к новому дню. Вы, две мои принцессы, рассказывали бы о своих снах, а я увлеченно слушал, и счастливая улыбка расплывалась по моему лицу. Но это все «бы», а сейчас я вижу лишь тумбочку, которая напоминает мне об Алисе, о том будущем, которого у нас уже никогда не будет. На этой дорожке мне, но убивающей воспоминаниями тумбочке, стоял стакан воды. Как он оказался здесь? Неужели Анна позаботилась обо мне?

– Я приготовила завтрак, – услышал я. Нет, это не Анна. Я увидел Ассоль, стоящую у входа в комнату. Мой взгляд наверняка был укоризненным и полным сожаления за вчерашнее утро. Ничего не сказав, я выпил стакан воды, и мы направились на кухню. Я не хотел есть, но решил попробовать.

На удивление все оказалось очень вкусным и мне понравилось. Ассоль была мне неприятна, как плохое воспоминание, но я боялся обидеть что либо, что связано с Алисой. Я не мог себе этого позволить.

– Я вижу как тебе тяжело, – продолжала Ассоль, – но ты должен собраться. Ради Алисы надо продолжать бороться и рассказать миру о вашей любви. Мир нуждается в этом.

– Мир нуждается в этом, – передразнил я и какой-то тихий, сатирический смех вырвался из моих губ, – отнюдь, миру это не нужно, он останется приютом загнивающего общества. Я не хочу, чтобы мир знал о нас и сделал своей частью. Мы с Алисой и наши чувства были чужды этому миру. Наша любовь – это злокачественная опухоль для мира, которую успешно удалось ликвидировать. Это была битва. Между нашими чувствами и обществом потребителей. Они все заполнены желчью и живут на поводу своего эго, пытаясь угодить ему. А как же миг, как же способность дарить себя, не боясь и не ожидая боли?! Мы были искренни и дарили себя полностью, не оставляя ни кусочка души, не пытаясь оставить спасательный жилет на случай крушения. Мы проиграли. Потребители победили.

Посмотрев ей в глаза, я произнес: «Аплодисменты». Ассоль, кажется, не ожидала такого развернутого ответа и просто попыталась улыбнуться, но получилось очень неискренне. Я и сам не ожидал такого ответа. Не понимаю, зачем я все это говорил ей. Она не была виновата в смерти сестры и уж

тем более, не мне судить к какому из миров она относится.

Давно я не вел бесед, и было странно снова говорить с человеком. К одиночеству тяжело привыкнуть, но привыкнув, ты начинаешь вести разговоры со своими мыслями. Мысли не умеют слушать и по этому скупаешь больше всего. Слушателю.

За завтраком я заметил, что на мне рубашка с белыми ромашками в желтых квадратах. Я смотрелся в ней, как клоун и поэтому не любил ее надевать. Но вся моя жизнь вращалась вокруг Алисы, даже после ее смерти, именно потому эта рубашка еще не покинула мой гардероб. Вся квартира была сплошным воспоминанием, и я ничего не изменял. Мой взгляд упал на рубашку, задержался некоторое время, а после я вопросительно посмотрел на Ассоль.

– Тебя вырвало на рубашку, мне пришлось постирать ее, – последовал незамедлительный ответ.

– Зачем?

– Она была грязной и я решила, что...

– Нет. Зачем ты здесь? – прервал я ее.

– Чтобы показать тебе жизнь.

– Ты ошиблась. Здесь нет жизни. В этой квартире даже время остановилось.

– Жизнь в нас, – улыбнувшись, Ассоль направила палец себе в грудь.

– Тебе нужно жить, радоваться. Не жизнь искать, а парня, – поправил ее я. Действительно, молодой девушке не ме-

сто в крохотном мире, где, как вечное напоминание о гибели любви, нахожусь я.

– Я не гонюсь за этой идеей. Я уверена, что встречу свою любовь, своего парня и без поисков. (Упрямая девчонка. Вся в сестру).

– В моей квартире парней нет, уж извини, но вряд ли ты его здесь найдешь.

– Мы что-нибудь придумаем, – улыбнулась Ассоль.

У них с Алисой похожие улыбки. Искренняя, добрая, создающая ямочки в уголках. Я вытащил бокал, налил виски и мой день продолжился в привычном русле.

День был пасмурным, и серое небо не прибавляло настроения. Я сидел перед окном и, выпивая свое виски, думал о том, что не погода создает настроение, а настроение погоду. Для влюбленного и огненный смерч покажется чудом.

Ассоль подошла ко мне, укрыла легким пледом и поставила на столик стакан воды: «Облака обнимают Землю, чтобы она не была одинокой». Да, действительно, физика здесь не при чем. Облака – это объятия.

– Что же тогда дождь?

– Надежда. Слезы, которые льются в надежде, что расставание приведет к скорой встрече.

Как же все сложно у этих облаков. Возможно за ними другой мир, в котором объятий ждет Алиса. Не продолжая размышлений, я ушел в спальню и принялся читать дневник Алисы.

«Сегодня я улетела в Париж. На целую неделю и оставила N одного. Но он не один, с ним моя душа. Она всегда будет с ним, и всегда будет согревать его. Я верю, что ничто не способно нас разлучить. Это вечно».

Дальше я не смог дочитать. Слезы не давали мне сосредоточиться на чтении. Оказалось, что и у вечности есть свой срок. В мире, который сам имеет срок, не может быть ничего бесконечного. Но хочется верить, что чувства бесконечны и не принадлежат этому миру. Что же лучше: сладкая ложь или горькая правда? Лучше сладкая правда. Я верю в бесконечность чувств. Никакие не три года, ни пять и не любые другие цифры. Это ложь. Наука не способна объяснить любовь, потому что ее невозможно понять. Она бессмысленна, но дарит смысл всему, к чему прикасается. Она заполнена жизнью, но полна и смерти. Она согревает, но морозит страшнее лютого, антарктического мороза. Любовь все и ничего. И я верю, что душа твоя осталась со мной. Любовь твоя все еще со мной и холод, что в моей душе это тоже любовь. В разных проявлениях, но всегда искренняя.

Наступила моя вечная зима

Я видел, как цветет сирень. Закрывая глаза, я наблюдал за миром и он менял свой облик. Каменные джунгли, улицы, пропитанные угарным газом машин, крики и вопли превращались в приятную картину. Яркое дерево сирени благо-

ухало, и аромат ее доносился не до рецепторов в носу, а гораздо глубже, в самую душу. Но, не смотря на этот райский аромат, даже сотни тысяч сиреней не способны вернуть ее. Так и проходит наша жизнь, меняя взгляды, и цветок счастья превращается в венок смерти. Когда-то я любил эти цветы, но сейчас они ненавистны мне. Сильнее я ненавидел лишь ночь. Ночью просыпается душа и забившись в угол, начинает лить слезы. Сейчас можно, сейчас никто не услышит. Темнота способна скрыть нас, скрыть лица и чувства, и потому маски в ней нам не нужны.

Я сидел на краю кровати, смотрел на обои и слезы скатывались по моим щекам. Я лил слезы молча, обняв ее дневник. Всю теплоту души я дарил тебе, Алиса, но сейчас я сам остался замерзать. Наступила моя вечная зима. Сзади подошла Ассоль, и укрыв меня пледом, положила свои руки на мои плечи. Они были теплые, я почувствовал их тяжесть, но в душе стало так легко. Что-то родное почувствовал в этот миг я. Знаете, как пахнет счастье? Оно пахнет, как запах дождя на мокром асфальте, как детский смех, что встречает у порога, как тепло тела, что согревает пустой ночью. В этот недолгий миг, я стал чуточку ближе к жизни. И на мгновение мне показалось, что в груди моей что-то сжалось. Сердце ли это?

Я вытер слезы и потянулся за бутылкой, но Ассоль остановила мою руку: «Не здесь. Может, пройдемся в бар?»

На дворе стояла поздняя ночь, но город продолжал жить,

жить так, словно он только проснулся от утренней спячки. Мы с Ассоль шли по улице, освещенной желтыми фонарями и яркими, красочными вывесками. Сегодня я решил пройтись пешком вместе с Ассоль, чтобы почувствовать себя частью живого, частью настоящего. Мы проходили закрытые, но освещенные магазины, мерцающие аптеки, все еще работающие секс-шопы и вот, наконец, перед нами, через дорогу появилась вывеска с яркими, зелеными буквами «БАР». Хитрый маркетинговый ход. Зеленый – цвет жизни и люди в поисках ее приходят сюда. Так и я, ничего не замечая, шел вперед, как будто в баре действительно раздавали порцию жизни. Я собирался переходить дорогу, как Ассоль схватила меня за руку. Я замер и в этот миг услышал, как бьется ее сердце. Биение отразилось в моей душе. Мелодично, отступившая умиротворяющий ритм. В этот миг мне показалось, что жизнь продолжает идти и нужно двигаться дальше. Ассоль смотрела мне в глаза с испугом и маленькие слезинки скатывались по ее щекам. По дороге, в эти же мгновения, на очень высокой скорости пронесся черный внедорожник. Он мог стать моим палачом, но Ассоль успела остановить меня.

– Не смей умирать, – дрожащим голосом произнесла Ассоль.

– Мы пришли, давай напьемся, – пытался отвлечь ее я.

Бар был заполнен людьми. Мы пробившись сквозь толпу шумных людей к барной стойке и, подойдя, я сразу выпалил: «Два виски». Мы пили виски, молчали, глядя друг другу в

глаза, иногда нарушая нашу тишину разговорами о жизни. Это очень похоже на идеальные выходные. На фоне играла музыка, которую наши уши не слышали, слишком далеко от реальности находились наши души. Мы допивали четвертый бокал виски, находясь в совершенно другом мире, где были лишь наши души с Ассоль и никого кроме, и лишь музыка из колонок смогла вернуть нас в бар. Это играла группа «The Lumineers» с их песней «No Neу».

Ассоль быстро опьянела от выпитой дозы и что удивительно, даже я от такого, по моим меркам, небольшого количества алкоголя начал пьянеть и был расслаблен. Ассоль, взяв меня за руку, потянула к центру бара, в заполненный людьми танцпол. Отрываясь от барной стойки, я успел выхватить одной рукой недопитую бутылку виски. Мой взор пал на мою загадочную спутницу, которая появилась из ниоткуда и сейчас так изящно кружилась в танце. Я двигал тазом, пил виски с горла и пытался попасть в такт музыки. На припеве музыка помогла найти мне настоящего себя и в дуэте с Ассоль мы начали подпевать.

I belong with you,

You belong with me,

You're my sweetheart

I belong with you,

You belong with me,

You're my sweet'

Мне кажется именно в этот момент, эта песня стала моим отражением и моей любимой. Вокруг нас, в воздухе, кружило счастье, все было пропитано жизнью и нескончаемым драйвом. Время остановилось, и мы просто наслаждались моментом. Я снова оказался в настоящем. Когда Ассоль кружилась в танце вокруг меня, она в пылу страсти, не заметив, столкнулась с высоким, мощным парнем – точно стена. Началась потасовка, он хотел было ударить Ассоль, но я со всего разбегу снес его на стоявший рядом столик. Мы начали драться и обменялись парочкой хороших ударов до того, как блюстителю порядка не забрали нас всех в участок.

Я больше года пил алкоголь и пил гораздо больше, чем в этот раз, но никогда не попадал в полицию. Стоило лишь раз выйти с Ассоль, как вот он я, сижу за решеткой. Но признаться, мне это понравилось, это было здорово.

– Прости меня, – сидя рядом, прошептала Ассоль, – Тебе больно?

– Больно, – смеясь, ответил я, – это боль, я вновь чувствую ее.

Жизнь появилась на моем теле в виде синяков. Эта боль

была так приятна мне, так согревала меня. Мы с Ассоль посмотрели друг другу в глаза, и громкий смех охватил всю комнату.

Я часто слышал, что смех продлевает жизнь, и я был согласен с этим, хоть и не было доказательств этого. Но то, что поцелуй сокращает смех, это я понял в эту ночь. Ассоль поцеловала меня, и я почувствовал вкус ее губ. Это продолжалось миг. Один бесконечный миг. Я оттолкнул ее. Почему я сделал так? Я испугался, испугался того, что мне понравился этот поцелуй. Бред. Мне не могло это нравиться, лишь губы Алисы. С Ассоль нет, точно, мне это не нравится. Как же наверно я глупо выглядел, пытаюсь убедить себя и Алису в этом.

С моего счета были сняты деньги и нас отпустили домой. Мы с Ассоль ехали в такси, на заднем сиденье и не проронили ни слова, даже не смотря друг на друга. Мы уставились в окно и наблюдали, как солнце начинало озарять каменные небоскребы. Жизнь покинула меня или я сам не хотел жить?! Но сейчас я чувствую жизнь в своем сердце. Во мне рождалась надежда. Надежда в настоящее. Но я все по-прежнему верил, что моим настоящим вновь станет Алиса.

В центре нашего города протекает река, которая впадает в озеро за городом. Ассоль осталась дома, а я поехал дальше, в центр города, поближе к этой реке. Река была широкой и разделяла город пополам. Я сел на лавочку, что была

неподалеку, и любовался рассветом. Солнце медленно поднималось, озаряя город и рассеивая утренний туман. Площадь была усеяна уличными фонарями, в виде больших подсвечников на четыре свечи, которые передавали свои полномочия по освещению города, восходящему солнцу. Мир просыпался, чайки начинали кружить, вода успокаивающе журчать. Тонкая грань между жизнью и смертью, умиротворение в мире, который проснулся, но еще без людей. Я вспомнил слова на могильном камне Алисы.

А за окном у нас огромный космос

И люди в нем прекрасные миры.

Средь тишины, в ночи услышишь голос:

«Ты не один, под светом утренней звезды».

Утреннее солнце и безлюдный мир все меняют. Тоска становится покоем, боль превращается в надежду, а одиночество в свободу. Если ты одинок, нужно лишь дождаться утра, рассвета и поймешь, что ты не один, с тобой целый мир. Сейчас я начал понимать эти строки, утром мы не можем быть одиноки, в тот момент, когда солнце только начинает восходить, и на небе остается еще сверкающая звезда, в момент, когда жизнь просыпается, но смерть еще не отступила, в душе нашей зарождается вера. Гармония и баланс между жизнью и смертью, покоем и пробуждением делают жизнь стоящей. Душа моя проснулась, наполнилась огромной энерги-

ей, и мне хотелось творить и прочувствовать жизнь каждой клеткой своего тела. Я снял с себя одежду: синие джинсы, белые кеды и футболку с изображением яркого солнца Саванны. Я был лишь в нижнем белье и, закрыв глаза, прыгнул в реку. Вода была приятной и своим холодом освежала меня. Я оказался в объятиях жизни. Река бурлила и неслась на меня своими волнами, я их мастерски разрезал и наша игра продолжалась. Одна из таких игривых волн застала меня врасплох и закружила в приятном танце. Но танец оказался недолгим, и я почувствовал удар по голове. Не знаю, обо что я ударился, но боль была мгновенной, а дальше наступила тишина. Все вокруг потемнело, и я отключился. Тишина и темнота дарят спокойствие. Я погрузился в нее и стал ее частью. Моей боли больше не существовало.

Открыл глаза я лишь спустя целую вечность. Моя темнота оборвалась, и я был выброшен в мир, полный противоречий. Я оказался в белой комнате, с высокими потолками. Рядом пищали какие-то приборы, с меня торчали какие-то трубки. Ассоль сидела рядом, и я видел, как слезы скатывались по ее щекам. Мне так сильно захотелось успокоить ее, вытереть ее слезы, но я не смог ни пошевелиться, ни даже сказать слова. Это было мучительно больно, но где-то в глубине души приятное чувство согревало меня. Она переживает за меня. Даже без своей славы и футбола я все еще вызывал в людях искренние чувства. Думать было тяжело, голова раскалывалась, а потому я начал снова уходить в темноту. Она погло-

тила меня.

Когда я открыл глаза, я лежал дома, на своей кровати. Ассоль сидела напротив на белом, кожаном кресле. Я посмотрел на нее, она спала. Мне было приятно оказаться вновь у себя дома, и я улыбнулся. Кажется, Ассоль почувствовала мою улыбку и открыла свои глаза, которые успокаивали своей глубиной, как бескрайний океан. – Как ты? – спросила она, улыбнувшись. – Да, вроде порядок, – пытаюсь усесться, произнес я, – Кажется, даже от алкоголя так не болит голова. – Ты ударился об камень, рыбаки вытащили тебя. Прошу тебя не делай больше так, не пытайся покинуть этот мир, – с грустью выходили слова из уст Ассоль. Постараюсь так больше не делать. Но разве целесообразно стараться не пытаться жить, пропускать жизнь через каждую частичку тела?! Во-все не целесообразно, но так безопаснее. Получается, жить опасно, а вернее рождаться. И люди в мире этом свыклись с этой мыслью. Они не осознают, но уже давно стали премудрыми пескарями. Рыбой, которая так сильно боялась смерти, что так и не узнала, что значит жизнь. Оказалось все гораздо проще, хоть и сложно. Бояться смерти не нужно, ее надо осознавать и сделать жизнь такой, чтобы душу нашу не держали несбывшиеся мечты и упущенные возможности. Этот мир гармоничен, и забрав что-то, он обязательно что-то даст. Невидимой нитью переплетен этот мир, по которым мы ищем свой путь. И мне больше не хочется верить в антонимы. Смерть и жизнь, любовь и одиночество, горе и радость.

Это не противоположности, это часть целого, и ценность одного без другого невозможна. Жизнь – это, как магазин, мы меняем деньги на товар. И в мире так же, но вместо денег и товаров наши действия и последствия. Обретая любовь, мы уже не свободны так же, как нам хотелось бы. Мы становимся частью одного и становимся зависимы. Но с любовью мы становимся свободными от обстоятельств. Они больше не могут управлять нами. Мы не потеряли свободу, мы лишь обменяли ее. После такого обмена ни погода, ни прохожие, ни политика не способны испортить наше настроение. Мы свободны и наше настроение принадлежит нам, пусть сами мы уже не принадлежим целиком и полностью себе.

Ближе к обеду мне стало легче, и летнее солнце вновь вернуло тягу к жизни. Я решил прогуляться, но на этот раз без водных процедур. Ассоль не хотела отпускать меня, ссылаясь, что я еще не оправился, но я был непреклонен в своем решении и отправился в парк. Ассоль пошла со мной. Погода успела измениться. Солнце спряталось за серыми облаками, и все небо было устлано серой массой. Моросил мелкий дождь и холодный ветер прогуливался по городу. Мы с Ассоль сели в автомобиль и отправились в свою поездку. Я сидел на пассажирском сиденье и наблюдал, как город изменился с моего последнего «дня памяти». Это тот день, когда память моя еще была со мной, и я находился в настоящем целиком. Все это было до той аварии, она стала моим

последним днем, когда я помнил и замечал этот город и его жизнь. Мы ехали сквозь улицы с белыми домами, проехали длинный, двухполосный мост, который украшали по сторонам металлические звезды. Ночью они сверкали, и свет их переливался в волнах реки. Проезжать мост в это время было настоящим наслаждением. Однажды, мы с Алисой проезжали поздней ночью по этому мосту, и ей так понравилось, что она попросила остановиться. Я остановил машину прямо посреди моста, и мы оказались посреди всей этой красоты, казалось, мы плывем на мосту, сквозь яркий космос. Пока мы наслаждались красотой полета мысли, сзади скопилось порядком автомобилей и они нервно сигналили, а водители разгневано что-то кричали. Нас это не останавливало, мы были в другом мире, и брань из уст прохожих не могла пробиться в него. Алиса посмотрела мне в глаза и под громкие и неритмичные сигналы сверкающих автомобилей мы слились в страстном поцелуе. Губы ее были мягкие, словно облака и сочные, как спелый помидор.

Мы приехали в парк. Людей практически не было, и мы уселись на скамейку перед памятником очень стройного и золотистого оленя.

– Ты будешь кофе? – услышал я от Ассоль.

– Да, пожалуй. Нам надо согреться, – согласился я.

Ассоль ушла за кофе, а я остался сидеть и разглядывать оленя. Сколько же грации было в нем. Прекрасные и благородные создания. Они дают ощущение спокойствия. Вели-

кий дар, которым могут обладать лишь немногие из людей. Ко мне подсел белый старик. Он был одним из тех стариков, которые встречаются в фильмах, приятный на вид и с взглядом, повидавшим жизнь. Серое пальто, до блеска начищенные лакированные туфли и элегантный синий костюм с белой рубашкой, говорили о том, что он не был попрошайкой и пропойцей. Скорее создавалось впечатление очень солидного человека.

– Паршивая выдалась погода, – начал он.

– Довольно таки да, – поддержал я.

– Или все же прекрасная погода?

– Что? Эм... Я не понимаю, – просочилось сомнение в моем голосе.

– Погода прекрасно дает понять живете ли вы, следуете ли за своим сердцем. Это отличный индикатор вашего пути.

– Что же делать, если не знаешь этого?

– Ответ очевиден, молодой человек. Живите искусством, пропустите его через себя, займитесь им, ощутите его. Любовь, написание картин, музыка, футбол, все это искусство. Выберите то, что вам по душе и следуйте ему. Оно покажет ваш путь. Лишь через искусство можно прочувствовать жизнь, – медленно, с интонацией говорил старик.

– Но возможно, – не успел я договорить, как Ассоль закричала: «Бежим». Она бежала очень смешно, держа в одной руке горшок с цветком, а другой, хватая меня за руку. Мы побежали, за нами бежали полицейские. После длительного

отсутствия в футболе, я думал, что уже не способен бегать быстро, но скорость моя сохранилась. Бег был моей стихией и через дворы мы смогли уйти от преследования полиции. Забежав за кирпичный дом, мы с Ассоль припали к стене и пытались восстановить дыхание. Ассоль обняла мою руку и, повиснув на ней, спросила: «Ты согрелся?»

– Что? – улыбка расплзлась по моему лицу.

– У них не было кофе. Я решила, что можно согреться и так. Ведь так? – виновато улыбнулась Ассоль. Я посмотрел ей в глаза и начал смеяться. Она спрашивала «что?», «что?», а потом присоединилась ко мне и мы вместе залили смехом весь двор.

Сумасшедшая. Она была именно такой. По таким как она не скучают. Даже не сразу замечают ее отсутствия. Но именно с такими вы живете настоящей жизнью. Перестаете существовать в мире, созданном людьми, и оказываетесь в мире, пропитанном волшебством. Лишь перед лицом смерти возможно понять это. А потому таких как она не ценят. Я смотрел смерти в глаза и знал, что мир с сумасшедшими людьми совсем другой, он живой и настоящий. Не каждому такая жизнь нужна. Люди боятся искренности и проявления души. Не знаю как мир, а я давно перестал бояться жизни.

Время не властно

Кажется, рано или поздно все меняется. Ничего не остает-

ся прежним. Время, оно как автомобиль: вечный, без поломок и постоянно мчащийся куда-то. А мы пассажиры в нем, которые в окно наблюдают, как меняются пейзажи. Они могут быть настолько разными, что не успеваешь насладиться одним, как перед глазами уже другая красота. Но бывают дороги, где пейзаж не меняется долгое время. От этого сильно устаешь и кто-то, не выдержав однообразия, решает покинуть автомобиль. И в этот момент время уже не властно. Ты просто перестаешь существовать. Но если достаточно терпения, то пейзаж изменится. Все в этом мире меняется, следует лишь подождать. Автомобиль никогда не остановится, и путь продолжится с вами или без вас. Так же продолжился мой путь. Я становился все ближе к жизни, и кажется, тоннель начал заканчиваться, и я начал видеть проблески света.

Свет этот бил в глаза и открыв их, я увидел Ассоль, светящую фонариком, прямо мне в лицо. На улице стоял поздний вечер, и я видел в окно, как луна украшала осеннее небо. Какое же спокойствие я испытал, увидев все это. Я снова был дома, я чувствовал, что это мой дом и здесь уют.

– Соня, уже вечер. Не хочешь прогуляться в такую погоду? – с лукавой улыбкой спросила Ассоль.

– Хорошая погода, – согласился я.

Термометр показывал +16 градусов и, одевшись соответственно, мы отправились бороздить просторы ночного города. Я наслаждался этим грандиозным спокойствием. Я ощущал жизнь, и у меня забилося сердце, которое было здесь

и сейчас. Такого момента больше может не наступить. И я не хочу ограничивать себя в эмоциях. Я хочу жить, радоваться, дышать полной грудью и замечать все, что вокруг меня. Впервые за долгое время я прозрел. Смог увидеть все это, оказаться мыслями здесь и сейчас. Свет от фонарей голубым оттенком отражался в небе, как звезды. Небо было темно-синего цвета и покрыто тонким слоем облаков, которые просвечивали бескрайний простор за этим тонким слоем. Мы с Ассоль шли по аллее, и я замечал, как зеленые лепестки ивы шелестели на ветру и создавали собственную музыку. А одинокий воробей сидел на одной из веток и с гордым видом чирикал, словно был дирижером оркестра лепестков.

Ассоль взяла меня за руку и села на траву. Я последовал ее примеру и уже через секунду, мы лежали на зеленом, аккуратно постриженном газоне, смотрели в небо и мечтали.

– Чего бы ты хотел прямо сейчас? – прозвучал голос Ассоль.

– Творить. Мне так хорошо, что хочется что-то создать. Может скульптуру или картину.

– Картину! Точно! Попробуешь нарисовать меня. Поехали за холстами и краской, – весело, с детским задором говорила копия Алисы.

Она бежала впереди, не отпуская мою руку, и мне пришлось подстраиваться под ее скорость. Сев в машину, мы отправились за краской и холстом.

Ассоль лежала на диване в черном, облегавшем тело, платье. Она закинула одну ногу на другую, и игривый свет переливался по ее ногам цвета золота. Я взял кисть и ярко-красной краской начал рисовать на холсте ее губы. На белом снегу яркие ягоды вишни своим соком орошают землю. Это ее губы обжигали белоснежный холст и мой взгляд. Я закончил рисовать нежные губы и решил взяться за работу над глазами. Но прежде чем рисовать эти черные очи, мне захотелось заглянуть в них, пропасть в их глубине и прочувствовать силу этого взгляда. Я медленно и нерешительно зашагал к Ассоль. Она встала с дивана и, сделав шаг, замерла. Словно маяк, призывающий корабль к родному берегу, так и ее глаза встречали меня. Я был словно окутан туманом, таким теплым и мягким, ноги сами шли вперед, а в руках осталась кисточка. Я подошел вплотную к ней и почувствовал ее аромат. Она пахла, как сирень, после проливного дождя. Этот аромат ласкал меня и окутывал самыми теплыми чувствами. Я словно оказался посреди весны, посреди цветочных полей, посреди счастья. Ассоль взволнованно смотрела мне в глаза, медленно сбросила с себя платье и стыдливо опустила взгляд вниз.

Красоты без изъянов не бывает. Для одних глаз это недостаток, для других изюминка. Наш взгляд проходит сквозь призму нашей души. Как же она была красива. Она стала частью той половины мира, которая была за чертой безобразия, частью того прекрасного и неповторимого, что создала

природа. Внутри меня были чувства, как у человека, впервые увидевшего Ниагарский водопад и понявшего всю его грандиозность. Увидев его, вы просто замираете, понимаете всю крохотность проблем, суеты и переживаний. Вы просто парите. Ассоль стояла нагая передо мной и ни слова не проронив, ее губы устремились ко мне. Это был полет. Как гордые орлы, резвящиеся в потоках воздуха необремененные тягостью бытия, так и мы оказались унесенные этим поцелуем. Лишь тогда я понял, как люблю жизнь. Мир, где возможны такие чувства, прекрасен. Если у вас не было "полета", значит, вы где-то свернули не туда. Свернули с дороги настоящей жизни.

Страсть охватила нас, Ассоль просунула свои пальцы сквозь мои густые, обросшие волосы и сжала их в кулак. Я обнял ее за талию, мои руки, как заколдованные, спускались все ниже и обхватили ее за бедра. Я поднял Ассоль, и она обхватила меня ногами за пояс. Мы устремились на стол, куда я положил ее и начал целовать губы, нос, ее розовые щеки, жадно впивался в нежную, бархатную шею. Я снял с себя джинсы, и мы стали единым целым, частью одного. В комнате слышались громкие стоны Ассоль, и я чувствовал, как она кусала меня за плечо. Но боли я не ощущал, потому как был совершенно в другом мире. Люди называют это сексом, но в этот раз было совсем другое. Человечество не придумало описание этому. Закройте глаза и представьте, что вы падаете во тьме. Очень быстро летите вниз и вот-вот окажетесь

омлетом на дне пропасти. Внутри все передергивает, страх смешивается с паникой и вот, вдруг становится светло, лучи разрезают темноту, и вы замечаете, что вовсе не падали, а парили. Вы летаете, и ваши страхи перерастают в восхищение. Я не могу описать это чувство по-другому, потому что ничего подобного я не испытывал. Но я точно уверен, что сейчас Боги завидуют нам.

Мы лежали на столе, а вокруг нас павшими бойцами лежала разбитая посуда. Ассоль держала мою руку и целовала своими уже не красными губами. Я запрокинул голову и увидел наш портрет с Алисой. Она смотрела прямо на меня, и я видел ее укоризненный взгляд. На минуту мне даже показалось, что с глаз ее скатилась слеза. Мне хотелось бежать, бежать от этих глаз, от этой квартиры, от своих мыслей, от себя. Я вырвал свою руку, нацепил кое-как джинсы и в агонии побежал из дома. Ассоль что-то кричала, но я не слышал этого и был в своем бреду. Он настолько охватил меня, что я даже забыл одеть обувь. В голове моей гудело, и я был в панике. Добежав до первого дерева, я ощутил, что на улице идет ливень. На улице не было и души. Я остановился, остановилось и мое сердце. Слезы скатывались по моему лицу, но под градом капель их наверняка не было видно. Я протяжно зарычал и упал на колени. Тяжело осознать, что все твои идеалы оказались лживыми, а сам ты предатель и часть этого мусора, который ты сам же и ненавидел.

Спасибо, что научила замечать этот мир

Я открыл дверь домой и вошел. Разбитая посуда все еще лежала и напоминала о том, что было. Ассоль сидела на диване, укутавшись пледом. Глаза ее были красные, точно плакала. Увидев меня, с ее глаз вновь скатилась слеза. Она как игривый ручей бежала по ее щеке, но радости нам это не приносило. Мне пришлось пройти мимо нее, и с трудом я выдавил из себя: «Тебе лучше уйти». Слезы вновь начали рваться наружу, и я быстро зашагал в спальню.

– Прости меня, – крикнула в след Ассоль.

Она оделась и ушла. Дверь входная захлопнулась, и я остался снова один, в пустоте. В душе щемила тоска. Ассоль ушла без истерик и попыток что-то выяснить. Мы оба понимали, что произошло нечто непоправимое. Но понимали это по-своему. И дело было вовсе не в сексе. Все гораздо глубже, чем могло показаться ей. Возможно, я себя никогда не прощу за предательство нашей любви с Алисой, ведь я полюбил Ассоль. Черт подери, я полюбил ее всем сердцем, она стала моей частью. Это разбитое сердце вместо того, чтобы остановиться и больше никогда, никогда не забиться, зажило и забилось еще быстрее. Я не мог любить другую кроме Алисы, не мог предать наши чувства. Но я предал их и предал ее.

Моим спутником снова стал алкоголь. После очередного глотка я поставил бутылку и вспомнил, как она ушла. Гордо, без малейшего сожаления, но оставив в квартире свою лю-

бовь. Женщины умеют так, кажется это их магия. Не подавая виду, не показывая боль, подарив ласковый взгляд, а уже за порогом рассыпаясь на части. Кажется, жизнь вернулась на круги своя, а точнее она снова покинула этот дом. Я сам ее прогнал.

Портрет Ассоль

Настало утро. Нужно было жить дальше. Я сделал себе яичницу и в тишине пытался ее съесть. Но еда не лезла в горло. Некогда уютный дом давил на меня своей тяготящей атмосферой. Пора было бежать отсюда. Схватив в руки свой пиджак, я выбежал на улицу. Идти мне было некуда, я просто шел вперед. Не знаю, что делать мне дальше, но оставаться одному я не хотел. Даже если люди, проходившие мимо меня, были лишь массовкой, я замечал их, и с ними я был менее одинок. Парень с девушкой шли по тротуару, и он пытался забрать у нее телефон, седой старик сидел на скамейке и кормил голубей, мужчина с зеленым шарфом и красными, голландскими розами стоял у фонтана и нервно поглядывал на часы. Спасибо тебе Ассоль, что научила замечать этот мир. Если научиться замечать жизнь, то она заметит и вас. Впереди показался тот самый бар, в котором мы с Ассоль были так счастливы и не думали ни о чем. Я не мог пропустить его и зашел, чтобы хоть на мгновение оказаться в прошлом. Все оставалось здесь прежним, хотя людей было намного меньше, чем в наш последний раз. Устроившись у барной стойки, я заказал себе гранатовый сок. Ассоль любила его. Хотелось проверить, что же в нем такого есть.

– Как ты, дружище? – услышал голос, подсевшего рядом парня. Это был Бараз. Мой одноклубник, с которым мне довелось сыграть пару месяцев. Детство его было не из лег-

ких, ему пришлось потрудиться, чтобы пробиться в большой спорт.

Родом Бараз был из Зеренда, небольшого города на юге Ирана. Он смог вырваться оттуда, и сейчас был очень зажиточным спортсменом, как впрочем, и я. Мой одноклубник гордился тем, что вырвался из низов. Он считал это достижением, цель его жизни была достигнута.

Я поприветствовал его, и мы перекинулись парой фраз.

– Я слышал про Алису. Сочувствую, – буднично произнес Бараз.

– Да, – кивнул я в ответ.

– А я на днях такую девушку встретил после матча. Мы сразу понравились друг другу. Поехали ко мне на новую квартиру и провели вместе вечер. А когда она ушла, проверить квартиру пришла жена. Представляешь, как мне повезло. Чуть не попался, – продолжал нагружать меня своей информацией мой бывший коллега. Слушая эти подробности из его жизни, мне хотелось, и плакать, и смеяться. Истерика души. Почему же судьба забирает у любящих, а тех, кто не ценит, не разлучает. Я вспомнил стихотворение Марка Спенсера. Поэта из Северной Ирландии, стихи которого так полюбились мне.

Меня называют странным

И странность моя вина.

Я вижу мир ржавым,

Где маски вместо лица.
Быть модным не моя стезя.
Я не могу быть частью
Мира, где изменяют, любя
И душу разрывают пастью.
Свой путь выбираю сам,
Быть искренним и странным,
Храня верность мечтам.
Оставаясь в жизни важным.
И годы как птицы летят
Искренний будет любим,
А тот, кто по жизни слаб
Останется в горе один.

Как-то мы оказались в мире, где искренность стала пороком, а индивидуальность странностью. В погоне за модой и в попытках унижить отличающихся от общества, мы потеряли свое лицо. Таких, как Бараз, я встречал очень много по жизни. Они считают, что стали хозяевами жизни. А по сути, кроме денег, кроме бумажек с рисунками у них ничего и нет. Нет у них семьи, нет дома, все из фальши. Настоящая семья, любовь и дом, в нас, в наших сердцах. У таких же людей сердце отсутствует.

Я расплатился за виски и не спеша пошагал в сторону своего дома. Мне не хотелось возвращаться в эту пустоту и музёй воспоминаний, а потому я шел самым долгим путем, об-

ходя весь город. Лишь только к вечеру я оказался в дверях своей квартиры. Открыть? Или же вновь вернуться в бар?

Душа наша не требует прощения, она требует оправдания. Мы ищем хоть что-то, что способно помочь нам, пытаемся договориться со своей совестью. И знаете, это отлично получается у нас. Я развернулся у двери и вышел прочь. Искать свое оправдание. Сумерки ложились на город и люди незаметно растворялись в суете. Так я оказался практически один в огромном парке. Тот самый парк, где мы с Ассоль ловили взглядом звезды. Я сел на скамейку и отключил свои мысли.

– В прошлый раз мы не договорили, молодой человек, – послышался сзади хриплый, очень низкий и дурманящий голос. Это был тот старик, с которым мы недавно вели беседу. Я даже и не заметил, как он подошел ко мне.

– Доброй ночи, – поприветствовал его я. От этого сердобольного старика исходило такое тепло, его взгляд дарил такую надежду, что внутри меня хоть на мгновение, но пустота отступила.

– Вы потеряли себя, мой юный друг? – присев на скамейку, отозвался старик.

– С чего вы решили, что я потерялся?

– Лишь потерявший себя человек, заполняет пустоту пустотой, – философствовал старик, – Ты потерялся, потому что убегаешь от себя.

– Я просто не знаю что делать. Я не хочу прятаться за ложью, не хочу искать себе оправдание и не могу пойти на сделку с совестью. И как же мне жить? – вопрошал я.

– Прислушаться к сердцу, юный друг, – последовал ответ.

– А вы любили? Да так что весь мир блекнет без нее.

– Любил, молодой человек.

– А я любил двоих. Да и сейчас люблю. Хотя не любовь это вовсе. Любовь ведь возможна лишь к одному.

– От части, от части, мой друг, – сдержанно поддерживал нашу беседу мой собеседник, – Любовь. Она ведь внутри нас, в каждой нашей клетке. И лишь искренняя любовь дает нам силы оторваться от прошлого и зажить настоящим. Любовь не губит, нет.

Как же был не прав этот старик. Любовь убивает. Дает жизнь и отнимает. Инь и Янь. У всего как, оказалось, есть две грани.

Греки разделяли любовь на три вида. На три разных чувства.

«людус» – любовь-игра, до первых проявлений скуки, основанная на половом влечении и целью которой является лишь получение удовольствий;

«мания» – любовь-одержимость, основа которой – страсть и ревность. Древние греки называли это чувство «безумием от богов»;

«прагма» – рассудочная любовь, когда переживание это-

го чувства в человеке побуждается не сердечной привязанностью, а лишь в корыстных интересах, с целью извлечения выгод и удобств.

Три проявления любви и все три определения звучат, как диагноз. Любовь – болезнь, которая разъедает изнутри.

– Идеальное оправдание. Но я не хочу и не могу прощать себя. Это моя вина и надо проявить смелость и честность, чтобы встретить эту разъедающую правду лицом к лицу, – куда-то в небо, будто разговаривая сам с собой, говорил я.

– Доверьтесь сердцу, – попрощался со мной старик.

Всю ночь я просидел на скамейке, глядя вдаль, не о чем не думая, просто любуясь временем. Когда отключаешь мозг, начинаешь видеть, как идет время. Плавно перемещаясь вместе со звездами, порхая крыльями мотыльков, оживляя парк спешащими людьми. Ближе к утру, устав от последних событий я заснул прямо на лавке. Ветер щекотал мои волосы, солнечный свет начал игриво мелькать на моих веках, шорохи шагов людских встречали рассвет вместе с лучами солнца на ровно положенной брусчатке. Открыв глаза, я потянулся, растягивая каждую свою косточку и мышцы, и пошагал в сторону фонтана. Зачерпнув в ладоши свежей воды, я умыл лицо и провел влажными руками сквозь волосы. Это очень взбодрило меня, так же, как синицу у фонтана, глоток воды. Мы посмотрели друг на друга, и я увидел во взгляде этой птицы понимание всего происходящего. Она вроде го-

ворила: «Все наладится, дружище. Уж я то знаю». «Да, мудрая птичка, я верю тебе», – промчалась мысль в моей голове. Мое сумасшествие от пустоты внутри дошло до такой степени, что я дал имя этой птице. Джек, так звали моего мудрого друга, посмотрел в последний раз на меня и упорхнул. Его ждут новые горизонты, а меня моя реальность.

Прошло много времени с тех пор, как я не был на могиле Алисы. Нет, я не забывал ее, а лишь боялся вновь потерять ниточку жизни. Нет, терять жизнь я не боялся. Боялся полюбить смерть. Обволакивая себя потерями, вступая в нерушимый союз со смертью, мы начинаем привыкать и наслаждаться своей душевной болью. В руках моих были букет сиреней и тот самый, красный дневник Алисы. Я сел у могилы моей Лис. Цветы вокруг встрепенулись от ветра, и аромат их закружил в воздухе. Ее душа радовалась моему визиту.

«Моя дорогая Алиса. Возможно, я уже больше никогда не увижу тебя и, возможно уже не вернусь в вечный дом твоего праха. Останется ли твоя душа со мной? Я уже никогда не буду прежним. Часть тебя навсегда останется во мне. Мы столкнулись как две планеты, и родилась вечность. Была ли ты лучшей в моей жизни? Нет. Я никогда не сравнивал тебя, а потому ты была и останешься единственной. Знаешь, твои поцелуи были самыми сладкими, шутки самыми смешными, а жизнь самой интересной. Жаль она была такой короткой. Я сижу и плачу, как маленький мальчик, у которого хулиганы отобрали конфеты. Нет, ты не переживай. Я не жалею о

нашей встрече. Это самое лучшее, что было в моей жизни. Сейчас, ты как прежде, обняла бы меня и сказала, что мы прорвемся. А помнишь, в день, когда тебя уволили с работы, ты пришла домой поникшая и сказала, что этот мир теряет краски от маленьких обид и нужно заполнять их маленькими радостями? Тогда мы взяли билет на первый же рейс и отправились в Голландию, в Гитхорн. Мы назвали его опочивальней ангелов. Точнее это ты придумала, а я согласился. Получается, в этом месте мы были ангелами. Мы сняли старый дом с камином, и на третий день нашего пребывания началась гроза. Она была такой сильной, что казалось, окна вот-вот не выдержав напора, разлетятся в щепки. Ты тогда прижалась ко мне, уткнулась носом в шею и дрожащим голосом сказала, что тебе страшно. Мне было не менее страшно, но быть твоим героем, значило встречать опасность грудью, и я прошептал тебе: «Не бойся, я рядом. Я всегда буду с тобой». Я не сдержал своего слова. Оставил тебя одну в мире, который тебе не знаком.

Когда же мы перестали жить? Почему мы по разные стороны неба? Я бы отдал все, чтобы хоть на минуту ощутить твоё тепло, набраться сил, чтобы уйти с пустого мира без тебя. Если бы я знал, понял, какая дорога ведет к тебе, то мы бы уже оказались на нашей кухне. Ты в моей белой рубашке стояла у плиты и готовила наши любимые оладьи, а я сидел за столом, посадив на колени нашу дочку, и рассказывал о мире животных из твоей любимой энциклопедии.

– А это пингвины Адели. Пингвины-мужчины, как настоящие джентльмены, находят самый красивый камень и дарят своей избраннице. Она принимает его, и пингвины навсегда остаются вместе. Их уже ничто не способно разлучить, – рассказывал бы я нашей дочке.

– А ты дарил маме самый красивый камушек? – вопрошала бы наша принцесса.

– Нет, дорогая. У людей по-другому. Я подарил твоей маме свое сердце.

Ты бы доготовила свой кулинарный шедевр и мы принялись за трапезу. Нашей дочери понравилось бы, я уверен. Мы бы уплетали оладьи наперегонки.

Ты хотела назвать нашу принцессу Сарой. Мне уже никогда не увидеть вас. Моя Лис и моя Сара. Возможно, вы сидите и ждете меня на нашей кухне, оладьи уже приготовились и Сарочка зовет меня своим сладким, звонким голосом: «Папа, папа, кушать готово. Поедим, и почитай мне про животных». Только вот папа ее потерял дорогу домой. Мне без тебя одиноко. И утром, и днем, и вечером, и всегда. Как говорилось в тех стихах? Ты не один под светом утренней звезды?

А за окном у нас огромный космос

И люди в нем прекрасные миры.

Средь тишины, в ночи услышишь голос:

«Ты не один, под светом утренней звезды».

Один. Я остался один. Даже утренняя звезда покинула меня.

Я ухожу, Алиса. Я больше не вернусь. Прости меня. Меня уже не спасти».

Ноги подкашивались. Пьяной походкой я направился прочь. Ветер взывал и метал листья из стороны в сторону. Видать, она прощалась со мной. Я не оглянулся назад, боялся, что не смогу покинуть ее. Кладбище опустело, ветер умерил свой пыл и лишь легким дуновеньем давал знать о себе. Сирени у могилы Алисы разлетелись по сторонам и оставили на могильном камне одиноким маяком дневник. Ветер перевернул последнюю страницу, и наступила вечная тишина.

Я пришел домой и уселся за стол. На столе стояла ручка и бумага. Они, как верные слуги ждали, когда их хозяин прольет свои мысли. Какое же чудо перо и бумага. Они превращают нечто невидимое и неосязаемое в реальность и дают к этому прикоснуться. Это магия. Ты научила меня вновь замечать это, Ассоль. Я взял ручку и аккуратно принялся творить магию.

«Здравствуй, дорогая Ассоль. Прости, что не смог сказать этого в глаза, но так будет легче отпустить. Прости, что оставляю тебе вечное напоминание обо мне – это письмо. Если у тебя хватит сил и мужества, сожги его после прочте-

ния. Не повторяй моих ошибок и не живи прошлым. Там нет ничего хорошего, и ты мне это показала. Я уйду. Уйду из твоей жизни и больше не появлюсь в ней. Ты должна знать, что я не хотел причинять боли тебе. Но будет несправедливо умолчать о другой важной вещи. Твои слезы хранят меня. Я никогда не хотел, чтобы наступал этот момент. Мою опустошённую душу заполняют плоды твоих эмоций. Эмоций, которых ты не заслужила. Я так желал, чтобы ты бежала от меня, потому что другой жизни мне не подарить. Мне не стать твоим принцем, о котором ты мечтала, проходя мимо многих достойных, не подарив им даже взгляда. Если бы ты ушла раньше, не подарив мне свою любовь, я бы смог обойти жизнь с пустой душой и чистой совестью. Мне больно причинять тебе боль, но эта боль дарит мне жизнь. Когда ты перестанешь плакать и ждать меня, жизнь снова остановится, и я окажусь в безжизненной, холодной пустыне ждать черного палача. Твои слезы хранят меня, твое ожидание согревает меня.

Этой боли я не выдержал сам и потому растворяюсь в этом сером мире. После смерти Алисы, ты заменила мне Солнце. Я не боюсь, что Солнце потухнет, я боюсь, что потухнет жизнь в твоих глазах. Если Солнце погаснет, смерть наступит мгновенно. Это будет логическим завершением и началом нового. Но если погаснет огонь твоих глаз, смерть не наступит мгновенно. Она поселится в душе и навсегда останется там, гнить. Ты горячее Солнца. Ты важнее жизни. Моя

душа уже прогнила и как бы ты не старалась, ее уже не восстановить. А потому мне лучше исчезнуть вот так. Думаешь это не мужской поступок? Думаешь, я струсил? Да, ты права. Прости, что не возражаю тебе. В этот раз ты оказалась права на все сто. Нет, не надо плакать. Слезы заставляют твои глаза краснеть. Так ты похожа на голландского подростка, который достал у приятелей марихуаны. Ты улыбаешься? Начала смеяться? Так-то лучше. Моя умница. Как поется в нашей незабываемой песне:

Я пытался поступать правильно,
Я жил одинокой жизнью,
Я спал в своей постели.

Я думал это поможет мне справиться с жизнью, не причинить никому боли и пройти сквозь жизнь незамеченным. Но этот путь привел меня к тебе. Я попал в твой плен и не захотел выбираться из него. А потом песня наша изменилась, наступил следующий куплет.

А любовь, в которой мы нуждались, уже здесь,
Понадеемся, что нам достанется часть её,
Потому что мы истощены до предела.

Я люблю тебя, Ассоль. Всем своим израненным и разбитым сердцем. Ты смогла собрать его по частям и вдохнуть в

него жизнь. Нам досталась не часть любви, а целый космос. Гори, гори моя звезда. Освещай эти просторы. Я останусь любить тебя, но попрошу одну просьбу. Я не имею права ничего просить больше, но мне не найти покоя, если ты не обещаешь мне этого. Прости и пожалей мою душу. Обещай научиться жить без меня.

Наша любовь сильна. Я верю в нее. Ты научишься жить, а я перестану умирать. Вот как оно бывает, расставаться любя. Я искренне верю, что мы спасаем наши души, жертвуя любовью. Пусть боги упиваются ею, пусть вкушают эту жертву. Им никогда не приходилось видеть нечто большее.

Прощай, мой ангел.

В мирах других ты получишь вечность.

Не твой, но, к сожалению, уже не чужой, Neri Kunha».

Я сложил письмо, положил его в конверт и на обратной стороне оставил свои инициалы, которые придумала Ассоль.

Нужно было посидеть перед уходом и попрощаться с домом. Я оставлял столько воспоминаний в этом доме. В моем храме воспоминаний. Мягкий диван немного провалился подо мной от веса, и я сел, как на троне и укрылся пледом. Он был весь пропитан запахом духов Ассоль. Я закрыл глаза, и малышка Ассоль обняла меня. Ее руки скользнули по моим плечам, нежная шея уткнулась мне в нос. Ее запах укрыл меня от мира. Можно ты останешься моим «домиком» в этом мире салок?

Чемодан был собран. Лишь самые необходимые вещи: зубная щетка розовым цветом (все шуточки Ассоль), пара комплектов нижнего белья, черный, тонкий, с красными полосками поперек, под 30 градусов галстук, который мне достался от отца и туалетная вода, которую мне дарили на день рождения один из одноклубников. Я вышел из дома, попрощался с консьержем и в ожидании новой жизни пошагал вперед. Пройдя метров двести, я остановился у первой урны и попрощался с зубной щеткой. Пока она летела в окружение бессмысленных вещей и мусора, я успел попрощаться с самой важной вещью из своего гардероба. Последнее воспоминание о любви моей было утеряно мной намеренно.

Подъехал черный мерседес и водитель вежливо отозвался: «Сэр, ваше такси». За окном пролетали картины города. Все было таким родным, и груз счастливых дней давил в сердце моем. Вспоминая, как мы с Ассоль ехали в такси из участка, как она схватила мою руку и спасла от колес машины, проезжая мимо пустующего стадиона, и вспоминая, как Алиса поддерживала меня и отправляла свои воздушные поцелуи, как у фонтана мы обрели друг друга, я понимал, что оставляю здесь свое сердце и душу. Показался аэропорт. Расплатившись с таксистом и щедро вознаградив его чаевыми (мне захотелось отблагодарить каждую часть моего прошлого за все яркие моменты) я побрел на кассу.

– До Москвы, пожалуйста, – протягивая паспорт, произнес я.

– С вас сто пятьдесят евро, сэр, – проверяя что-то в компьютере, ответила женщина средних лет. Я замер и мыслями улетел куда-то за край. За край воображения. Тараканы пробились сквозь черепную коробку и, оказавшись бабочкам, начали улетать. Все выше, и выше, и выше. В космос. К звездам.

– Молодой человек, вы летите?

НК

Это придумала Ассоль

Жизнь вернулась

Серое, пасмурное небо разразилось громом, и тот час хлынул дождь. Словно из ведра он поливал на город и орошал землю. В окружении сосен, промокающих от дождя и

просвечивающих городскую школу, на деревянной скамейке сидел мужчина лет пятидесяти. Он был высок, спортивного телосложения, с мощной спиной и крепкими ногами. Мужчина в черном костюме, с рубашкой, черным галстуком и серым пальто натянул на седые волосы черную шляпу и, встав со скамьи, захромал прочь. На лице уже появились заметные морщины, а взгляд был человека, выдавшего очень многое и пережившего не одно горе. Серые глаза прятались за морщинистыми веками и черными, с проседью, густыми бровями. Встретив такого человека на улице, вы бы точно решили, что он врач, который провел с сотню операций по раковым опухолям и видел, как многие из его пациентов умирали. Кто-то из них был стар, кто-то в возрасте чуть младше, а кто-то не дожил и до десяти лет. Этот врач пережил каждую утрату, каждое горе вместе с семьями этих пациентов. От того эти глаза были так полны боли и ласки, будто просили простить его за то, что не смог спасти их. Но это был вовсе не врач. Это тренер местной, футбольной команды. Ему не приходилось участвовать в операциях, спасать жизни пациентам и с окровавленными руками отдавать людей в объятия смерти. Но он прошел через судьбы своих подопечных. Видел, как губили свои карьеры молодые парни, как разбивались на машинах игроки, которые стали для него родными, будто сыновья, которых у него никогда не было, как ломали себе кости подопечные и ломались морально от неспособности вернуться к любимому делу. Тренер шагал, прихрамывая на левую ногу

(видно сказывалась травма, которую он получил еще, будучи футболистом), не совсем удачно перешагивая рождавшиеся, словно ниоткуда лужи, и то и дело, наступая в них и брызгая каплями на свои гладко выглаженные брюки. В руке он нес газету, которая уже промокла из-за дождя и от крепкого захвата пальцами на ней появились разводы и потертости. На главной странице большими, черными буквами бросалась в глаза надпись «Ровно год назад».

«Сегодня, 20 мая 2010 года, исполнилось ровно год с того момента, как молодой форвард местной футбольной команды Negu, попал в аварию. На пересечении улиц, футболист, спешивший в больницу к своей возлюбленной, не справился с управлением из-за обильного дождя и, вылетев с дороги, влетел в дерево. Благодаря оперативным действиям врачей, форвард остался жив, но впал в кому, которая сегодня длится уже ровно год. К счастью, возлюбленная молодого человека, к которой он мчался из-за произошедшей аварии год назад, Алиса, отделалась лишь легким испугом и парой царапин. Тысячи людей в этот день вышли на улицу города и направились к центральной больнице, где находится их любимец. Они несут в руках цветы, шарфы, футболки с атрибутикой. Горожане надеются, что Negu выйдет из комы, поправится, и снова будет радовать их своими выступлениями. Нам удалось взять интервью у тренера команды, который так прокомментировал эту ситуацию: «Negu очень добрый человек. Он просто влюбил нас в себя. В нем столько любви и

тепла, что он окружил ею нас всех. Посмотрите на улицу, люди любят его, они надеются, что он выкарабкается. Это говорит о той ауре, которую создает наш парень. Мне, как тренеру, очень повезло работать с таким одаренным футболистом и я верю, что наше сотрудничество продолжится. Я каждый день хожу в церковь и молю бога, чтобы он вернул нам нашего Neri. Он нужен нам». В конце интервью тренер не смог справиться с нахлынувшими эмоциями, и был вынужден впопыхах покинуть шествие. Напомним, что наша команда на данный момент занимает в турнирной таблице 5 место и потеряла даже математические шансы на чемпионство и попадание в зону Лиги Чемпионов». Дальше были слова поддержки знаменитых и не очень, футболистов и тренеров.

Тренер поймал такси и скрылся в каменных лесах. Дождь пролил до самого вечера. Ближе к сумеркам небо открылось, начали показываться звезды, запах петричора окутал городскую безмятежность. Люди вернулись по домам и ели сэндвичи за просмотром сериалов. Жизнь вернулась в прежнее русло.

*Я выбираю в сердце скрежет,
Чем жизнь такую без тебя.*

Ассоль стояла у дороги с красной, большой сумкой и ловила такси. Белый мерседес остановился у обочины и девуш-

ка очень ловко запрыгнула в него.

– До центральной больницы, – протягивая купюру, выпалила пассажирка.

– Вы тоже к Негу? – поинтересовался таксист.

– Можно быстрее, – проигнорировала водителя, Ассоль.

Ей не хотелось принимать тот факт, что другие тоже ухаживают за Негу. Хоть они и не были знакомы лично, в душе ее было чувство, что она знает его давно и не хотела делить его ни с кем. Она не хотела, чтобы он принимал заботу других, и даже ревновала молодого парня. Ей казалось, что он должен был показать своим состоянием, что не хочет принимать ничьи ухаживания кроме нее.

– Приехали, – вежливо и с ухмылкой резюмировал поезду водитель. Ассоль так же ловко, как села, выскочила из машины и побежала в больницу. На лице ее светилась улыбка, щеки налились румянцем. Больница для нее не была местом болезней и слез, а наоборот самым светлым местом, потому что здесь находился Негу. Ей казалось, что весь свет и тепло в городе исходило от него. Больница была на удивление пустой и запах лекарств, смешиваясь с запахом цветов, вызывал неприятные чувства у посетителей. Ассоль хрупкими ножками пробежалась по белым, мраморным лестницам и, поднявшись на третий этаж, оказалась у двери в палату.

Комната была в белых тонах. Под высокими, светлыми потолками держалась пара люминесцентных ламп, которые освещали и без того хорошо освещенную комнату. Окно в

палате было расположено таким образом, что восходящее солнце прорывалось в него и оживляло это ужасающее спокойствие.

Негу лежал на койке, весь окутанный проводами. Кислородная маска системы искусственной вентиляции легких закрывала его рот и нос, а рядом стояли приборы с мониторами и подавали сигналы. Лицо его было бледноватого цвета, но все еще наполнено жизнью и вызывало теплоту в сердце.

Ассоль прошла к окну, распахнула его и в комнату ворвались потоки свежего воздуха. Она закрыла глаза и потянула лицо навстречу потоку. Как же приятно и легко стало дышаться.

– Они не понимают этого, но я знаю, что ты любишь и радуешься этому легкому ветерку, – произнесла Ассоль. Она постояла пару минут у окна, неспешным шагом прошла по палате и наконец, села на стул, рядом с кроватью молодого футболиста.

– А я принесла тебе фрукты, – ставя на стул фрукты, произнесла девушка, – А эти старые я заберу. Ты не волнуйся, мне не тяжело приносить тебе их. Я знаю, что когда-нибудь они пригодятся здесь, и ты будешь рад, проснувшись, почувствовать их аромат.

Слезы скатились с больших глаз Ассоль, ей хотелось упасть, зарыдать, закричать от неспособности ничем помочь Негу, но собравшись силами, она вытерла слезы руками, пытаясь набраться оптимизма, улыбнулась, взяла неподвижную

руку Negu, ждала своими тонкими пальцами и прошептала: «Все наладиться», а вслед, дрожащим голосом добавила: «Только не смей умирать».

Ассоль припала губами к руке Negu и нежно поцеловала. В такие мгновенья ее душа радовалась, и ей казалось, что он просто спит и вот-вот проснется. Вот уже год она приходит сюда каждый день и проводит время в этих безжизненных стенах, просто молча сидя рядом, иногда ведя монологи, а порой и придумывая диалоги. Ничего не могло понравиться здесь простому человеку, но Ассоль сюда манило, и жизнь здесь обретала для нее смысл. У нее не было возможности поговорить со своим безмолвным спутником, но эти разговоры ей не были нужны, она верила, что в эти бесконечные минуты молчания разговор ведут их души. В какой-то мере она была права. Она и не могла догадаться, что эти ее фантазии были настоящими, но в мире ином, в мире Negu.

Ассоль уснула, прижавшись к руке пациента, и проснулась лишь вечером.

– Я приду к тебе завтра. Приготовлю оладьи. Алиса говорила, что ты их очень любишь, – попрощалась девушка.

Каждый день Ассоль искала способ пробудить из непробудного сна Negu. Но пока ей этого не удавалось. Может запах любимого блюда вырвет его из мира сна. Спускаясь по лестнице, девушка впопыхах набирала номер телефона и приложила аппарат к уху. В трубке слышались гудки и лишь на шестой трубку сняли, и на том конце послышался прият-

ный, женский голос: «Здравствуй, Ассоль».

– Привет. Ты занята? – поинтересовалась она.

– Нет. Я дома.

– Почему ты не приходишь к Негу? – с дрожью в голосе спросила Ассоль.

– У меня уже другая жизнь. Перестань повторять мне это или я удалю и тебя из своей жизни, – спокойно и холодно отвечал голос в телефоне.

– Ты нужна ему, Алиса! Возможно снова услышав тебя, почувствовав, он придет в себя, – плача, кричала Ассоль.

– Перестань! Перестань мне это повторять! Я замужем! У меня другая жизнь! Я нужна своему мужу! – не выдержав, закричала Алиса и сбросила.

Ассоль, роняя слезы на асфальт, вышла из больницы и направилась к дороге. В голове кружилась лишь одна мысль: «Я помогу тебе выбраться оттуда». Она поймала такси и отправилась домой. Завтра ее ждал точно такой же день.

Солнце еще не успело встать, а Ассоль бегала на кухне и что-то готовила. Она была вся в муке, и пропахла запахом жаренного. Солнце лениво показалось на горизонте, а девушка с ясной улыбкой порхала на кухне и светилась от ожидания возможного чуда. Она верила, что запах оладьи поможет Негу выйти из комы. Доготовив свое кулинарное чудо, Ассоль собрала их в деревянную, сплетенную корзину, обернув бумажным полотенцем, захватила красный дневник

Алисы и отправилась в больницу. По дороге заскочив в цветочный, она купила сирени, которые любила Алиса, в надежде, что эти ароматы, объединив свои силы, дадут нужный результат и спящий принц проснется.

Ассольт подготовилась основательно, и даже выучил стих из сборника Марка Спенсера.

Мы с тобой, как две планеты,
Как два раскинутых крыла.
Мы разбиваем все запреты
Пока в руке твоя рука.
Полет наш долгим быть не сможет,
И пусть смеется нам судьба.
Я выбираю в сердце скрежет,
Чем жизнь такую без тебя.

Если и это не помогло бы, то она готова была уже вырвать маску и точно, как в сказке Шарля Перро, подарить Negu спасительный поцелуй. От мыслей этих на лице Ассольт расплзлась довольная улыбка, и она засветилась, как утреннее солнце, что дарит свежесть на рассвете с дуновеньем ветерка. «Я иду к тебе. Я спасу тебя», – думала про себя Ассольт.

Время было лишь 9 утра, когда девушка подъехала к лестнице. Порхая, как бабочка, она быстро преодолела лестницы и оказалась у входа в палату. В палате, Negu оказался не один. Врач и две медсестры тоже находились у кровати. Врач

обернулся и встретил Ассоль своим взглядом. Ужас охватил девушку от такого мрачного взгляда, и корзина с оладьями выскользнула из рук.

– Он умер. Пять минут назад, – резюмировал врач.

Гролом раздалась эти слова в голове Ассоль. Ноги начали подкашиваться, образы становились размывчатыми, губы задрожали, и девушка упала на холодный кафель. Ей хотелось зарыдать, но она не могла выдавить слез из себя, а ее голос куда-то пропал и покинул Ассоль в самый нужный момент. Может если бы она смогла зарыдать, Негу услышал эти рыдания и вернулся к жизни. Но вместо рыдания, девушка лишь судорожно сжимала в руке красный дневник и в попытках набрать воздуха и закричать, открывала свои дрожащие губы. Почему же он покинул ее в момент, когда стал таким родным. Устроена ли жизнь таким образом? Возможно, люди покидают нас, в момент, когда становятся нашей частью. Они покидают этот серый мир и поселяются жить в нашем сердце.

Ассоль рассыпалась на тысячи частей. Боль не выходила слезами, а прорывалась сквозь сердце, разрывая его изнутри. В груди она почувствовала пустоту, кратер, размером с мир. Мир, который умер внутри нее. Подняв свои глаза, она увидела бледное лицо Негу, который, как показалось Ассоль, улыбался. «Не волнуйся, я буду в порядке. Живи и радуйся», – говорил этот взгляд. Но вместо успокоения, этот взгляд принес волну новых страданий, и по ее розовым ще-

кам скатилась слеза. Обжигающая, она прошла через все лицо и разбилась об кафель. Тяжелым грузом тянула эта слеза за собой и, теряя сознание, девушка потянулась рукой к Negu и шепотом выдавила из себя: «Не уходи».

К сожалению, парень уже не мог услышать этого призыва. Ассоль, потеряв сознание, упала на кафель. Две медсестры быстро подбежали к девушке и, аккуратно подняв ее, унесли оказывать помощь. Врач, сделав записи, покинул помещение. Палата опустела. На койке лежало лишь безжизненное тело молодого футболиста, а на холодном полу дневник, открывшийся на последней странице.

– Ты бы смог изменить мне? – спросила Алиса.

– Зачем тогда мне жить?

Благодарность

Данная книга является моим первым опытом и в создании нее мне посодествовали многие люди. Хочу выразить огромную благодарность своей матери за ее поддержку и непоколебимую веру. Было легко бросить все и сломаться на середине пути, но вы стали надежной опорой и силой. Огромное спасибо моему другу и брату, Данияру за его ценные советы. Ты выступил в роли моего критика, чьи замечания и предложения подстегнули меня на новые вершины. В создании книги принимала участие так же моя сестра, Аим,

помогая мне в реализации моих идей и задумок. И, конечно же, эта книга не увидела бы свет, если бы не мой искренний и надежный друг, Margaret Bellisario. Ты внесла огромный вклад в мое сознание и веру в себя, стала моими крыльями, благодаря которым я преодолел пропасти сомнений и уныний. Эта книга является результатом нашего с вами труда.